

КАТРИОНА ИННЕС
**КЭЙТЛИН
Ч КУПИДОН**

Катриона Иннес

Кэйтлин и Купидон

Серия «Любовь и другие хэппи-энды»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63084948

Кэйтлин и Купидон : [роман] / Катриона Иннес: ACT; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122434-9

Аннотация

Отчаялись встретить свою вторую половинку? Обратитесь в агентство «Кэйтлин и Купидон»!

«Кэйтлин и Купидон» – вот кто действительно поможет вам обрести семейное счастье.

Для Кэйтлин Картер любовь – успешный бизнес.

Ведь Кэйтлин соединяет одинокие сердца в классическом и старомодном, почти викторианском стиле.

Никаких сайтов знакомств. Никаких переписок по интернету. И, конечно, никаких личных фотографий от незнакомых мужчин.

Все очень мило, уютно, респектабельно... и недешево.

А в качестве главного аргумента того, что метод Кэйтлин работает, служит ее брак с очаровательным Гарри – вот поистине идеальная семейная пара.

Есть только одно маленькое «но»: ее идеальная жизнь – совершенная ложь.

А ведь ложь нельзя громоздить бесконечно, рано или поздно
правда выплынет на свет...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	65
Глава 6	72
Глава 7	82
Глава 8	96
Глава 9	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Катриона Иннес Кэйтлин и Купидон

*Посвящается Иану Хантеру
за то, что всегда играл со мной в «Угадай
ингредиент»*

Глава 1

Она теребит свой рукав, отчего оранжевые ворсинки слетают с джемпера и кружатся в воздухе, как сигаретные искры. Щеки у нее румяные, усыпанные веснушками, а когда она улыбается – с одной стороны появляется ямочка. Невозможно не влюбиться в эту улыбку.

Вот только я почти не видела ее улыбки с тех пор, как пришла в ресторан двадцать минут назад. Я наблюдала, загибая пальцы всякий раз, когда она улыбалась: первый раз, когда вошла сюда; второй – когда официант принес ей вино; и третий – когда она заметила меня притаившейся в соседней кабинке в этом дурацком парике, от которого чешется голова.

Я напрягаю слух, пытаясь через окружающий шум голосов поймать обрывки их беседы и понять – что же пошло не так на этом свидании. Почему она сидит с таким бесстрастным видом, словно предпочла бы оказаться где-нибудь в другом месте. В зеркале, расположенном под продуманным углом недалеко от их столика несколько часов назад, я вижу, как он покачивает бокал с вином. Его рука усыпана черными волосками. Я стараюсь что-то определить по «языку тела» – он наклоняется вперед, и я слышу его смех, нервный и хриплый, а вот она ни разу не засмеялась вместе с ним.

Передо мной со стуком появляется бокал «Апероль Шприц», и кубики льда позвякивают, когда Бобби пододви-

гаet его поближе. От Бобби исходит запах чеснока и масла; и даже от одного взгляда на него у меня начинает урчать в животе.

– Ба! Да это же Сваха! – громогласно радуется он, и я шикаю на него, поднося палец к губам. Он искоса смотрит на меня виноватым овечьим взглядом.

– Прости, – шепчет он. – Вечно забываю, что ты должна оставаться инкогнито. – А затем дергает меня за парик: черный «боб», напоминающий не столько прическу Умы Турман в «Криминальном чтиве», сколько космы Эдварда Руки-ножницы. – Не самый твой лучший, – сообщает он, качая головой.

– Спасибо, Кэп, – откликаюсь я, прикрываясь салфеткой, чтобы почесать под злосчастной штуковиной.

– Так. – Он потирает ладони. – И за кем мы сегодня шпионим?

Я показываю пальцем на кабинку позади нас.

– А, хорошенькая, – говорит он о Елене, моей клиентке.

– И умница, а главное, я знаю, что они превосходно подходят друг другу, – гордо улыбаюсь я ему.

Он смеется – легко, от души:

– Это мило, но в последнее время дела у тебя идут не так уж хорошо. Я скучаю по всем тем поцелуям.

Я шутливо пихаю его локтем в бок.

– Ни по чему ты не скучаешь! Не ты ли называл мне каждый вечер: «Кэйтлин, уточка, пожалуйста, я не могу это

выносить, они обслонявили мою лучшую кабинку!»

– Ну это все же лучше, чем: «Кэйтлин, уточка, ты свела его с его же братом!»

– Это был не его настоящий брат! – бормочу я в ответ. – Просто кто-то очень на него похожий!

Мы замолкаем, прислушиваясь к их разговору.

– Ну, и мне пришлось сказать ей, чтобы она поставила сыр в духовку, – говорит Джеймс с усмешкой. – Это было единственное место, откуда он не вонял! Нельзя, чтобы такой воюющий сыр портил вкус прекрасного «Бордо». Что за нелепая мысль его подать!

Бобби делает гримасу, качая головой.

– Он импортер марочных вин! – шепчу я.

Бобби кивает, а затем поет себе под нос:

– Ее это особо не впечатляет...

– А она шеф-повар, – добавляю я, отстаивая свой подбор пары. Но если взглянуть на Елену, становится ясно, что Бобби прав. Ее взгляд мечется по всему ресторану всякий раз, когда Джеймс что-то говорит, а теперь она опустила глаза, пристально вглядываясь в меню.

– Он нервничает, – говорю я. – Но он забавный, клянусь!

По крайней мере, был таким, когда я звонила ему в начале недели – окончательно убедиться, что он подходит для Елены. Его работа казалась тогда такой интересной: он рассказал кучу смешных случаев, подшучивая над собой. Однажды ему заплатили, чтобы он нашел то, на чем настаивал его кли-

ент – невероятно редкое португальское вино; а Джеймс отыскал его... на нижней полке ближайшего супермаркета. А когда он был в поездке во Франции, ему предложили подавить виноград ногами, и он уже стал разуваться, когда вспомнил, что у него на пятке бородавка.

– А ты не можешь вмешаться? – спрашивает Бобби.

Я отрицательно качаю головой.

– Не раньше, чем она сама попросит, – отвечаю я. Я знаю сигнал: Елена извинится и пойдет в уборную, а я последую за ней для выяснений. Но я действительно хочу помочь. Эта встреча не так ужасна, как та история с братом или с женщины, которая ходила на свидания в основном с целью вовлечь людей в пирамиду сетевого маркетинга с какими-то препараторами на основе алоэ вера; но протекает как-то нехорошо.

– Иди туда и пролей бокал вина! – говорю я Бобби.

Он косится на меня:

– И как это поможет?

– Доверься мне, – слегка улыбаюсь я в ответ. Но я и сама не уверена, что это поможет.

Он поднимает руки в знак капитуляции и отступает, вытаскивая блокнот из своего полосатого фартука.

– Если я получу плохой отзыв о заведении на сайте, – говорит он, – то из-за тебя.

Я смотрю, как он идет к ним, вживаясь на ходу в свой образ «итальянского дедушки». Это никого не обманывает. Бобби утверждает, что он настоящий итальянец, иммигрант

в первом поколении, и считает, что благодаря этому его клиенты возвращаются, но на самом деле им просто нравятся его смешные попытки: его волосы – копна рыжих кудрей, и он называет всех «уточками» с ярко выраженным йоркширским акцентом.

– Ах, неужели это мой любимый клиент! – восклицает он, похлопывая Джеймса по спине. Джеймс в замешательстве поднимает взгляд. Он никогда раньше здесь не был. – Могу я предложить вам что-нибудь из нашего специального меню? Может, что-нибудь для дамы?.. – Бобби протягивает руку к меню, умело опрокидывая стакан Джеймса.

Елена вскакивает, шарахаясь от вина, расплескавшегося по всему столу. Джеймс тоже вскакивает и начинает шарить в карманах, а Бобби пытается – и безуспешно – вытереть стол тонкими бумажными салфетками.

– Я знаю, что у меня где-то есть носовой платок, – гордо говорит Джеймс. Это прекрасно, так как покажет Елене, что он настоящий английский джентльмен: она называла Хью Гранта одним из своих любимейших актеров.

А затем я слышу, как она говорит:

– Погодите, что это? – Это звучит резко, и оба, Бобби и Елена, пялятся на стол. Джеймс становится пунцовым.

– Это же… это… – Я не вижу в зеркале, что у него в руке, и стараюсь высунуть голову из кабинки, чтобы разглядеть. Бобби начинает смеяться, а Джеймс с мукой в глазах смотрит на него.

– Я иду в уборную, – твердо заявляет Елена. Я следую за ней, пока три официанта несутся к столу с тряпками в руках.

– Что это было, черт возьми? – кричит она на меня, как только я переступаю порог туалета. Она стоит у раковины, уперев руки в бока.

– Хм. Вы должны сказать мне, потому что на самом деле я не видела, что произошло.

– Он выпил вино трусами, Кэйтлин! Трусами, которые вытащил из кармана.

– Какого фасона? – Это единственное, что приходит мне в голову, пока я пытаюсь найти объяснение.

– Да какая разница? – говорит она раздраженно. – Я ухожу. Я думала, что у вас это хорошо получается.

– У меня это хорошо получается! – протестую я, хотя – если подумать – Бобби прав. В последнее время я не блещу успехами.

– Вот тот мужчина, – она показывает на дверь, – не Гарри.

– Он мог бы стать Гарри, если бы вы дали ему шанс.

Елена начинает перечислять черты Джеймса на пальцах:

– Он зануда, помешанный на вине, у него монобровь…

Я перебиваю:

– Послушайте, так нечестно! Вы сказали, вам нравятся волосатые мужчины.

Она продолжает свой список изъянов:

– … Велит людям, которых впервые видит, убрать сыр в духовку, имеет фетиш на большие панталоны…

– Погодите, вы сказали «большие панталоны»? – Я вижу здесь зацепку.

– Да, огромные! Как старушечьи, в жутких розочках. Это наверняка фетишист. Мне не больно-то везет на мужчин. Я когда-то встречалась с таким парнем, он переспал с кучей женщин и хранил их лифчики как сувениры. Я пришла к нему домой, а у него их полный ящик! Он их крал, Кэйтлин. Вот потому я и обратилась к вам – чтобы отсеивать таких говнюков.

– Нет, это совсем другое! – Мой голос звучит торжествующе. – Он вполне себе Гарри!

Гарри – это мой муж. Мужчина, которого хочет каждая женщина – или думает, что хочет. Его имя превратилось в нарицательное. День нашей свадьбы был настолько идеальным, что фотографии с него стали «вирусными» в Интернете, и это помогло моему бизнесу.

Елена поднимает бровь, глядя на меня.

– Как это?

– Это панталоны его мамы! Теперь я вспомнила, что она очень недомогает. Он ухаживает за ней, каждый день навещает и стирает для нее.

– Чушь собачья!

– Вовсе не чушь! Вернитесь туда и спросите его сами. Скажите: «Я уверена, что этому имеется разумное объяснение», и он сообщит вам то же самое!

Это если он вообще еще там. На его месте я уже удрала

бы со всех ног.

– Ну что ж, ладно, – неохотно соглашается Елена. – Но это не отменяет того, что он скучный. Вино – вот и все, о чем он способен разговаривать.

Теперь мы снова на твердой почве. А у меня есть испытанные фразы, чтобы помочь на скучных свиданиях.

– Знаете, на первых встречах люди редко бывают на сто процентов сами собой, – говорю я. – Они нервничают и пытаются выпендриваться. Я думаю, что с ним происходит именно это, но он удивительно подходящая для вас партия.

Елена морщит нос:

– Вот этот парень?

Я всплескиваю руками:

– Даю слово свахи! Послушайте, я не виню вас за то, что вы считаете его скучным. Я слушала разговор, и он действительно не показал себя в выгодном свете. Но доверьтесь мне, вернитесь туда, познакомьтесь с ним получше – и увидите, что он достойный человек. Он не один из ваших бывших придурков. Я ручаюсь.

Елена вытаскивает тушь и начинает подкрашивать ресницы.

– Очень надеюсь, что вы правы насчет этих панталон.

Дверь ближайшей кабинки со стуком открывается, и оттуда выходит женщина в красных туфлях на высоком каблуке.

– Фетиш на большие панталоны не так уж плох! – сообщает она. – Вы когда-нибудь пробовали втиснуться в поли-

хлорвиниловые? Чертовски неудобно, доложу я вам!

Мы дружно киваем.

— Ладно, — говорит Елена. — Расскажите мне еще что-нибудь о нем, и я вернусь.

— Он уже рассказывал о своем аквариуме? — Вот почему я решила их свести: они оба увлечены тропическими рыбками. Я так взволновалась, когда об этом узнала. Очень редко удается отыскать двух человек среди кип заявок в моем офисе, у которых имелось бы такое узко-нишевое хобби.

Она бросает на меня удивленный взгляд:

— У него есть аквариум? А он… — Елена замолкает на секунду. — А он любит тетр?

— Да, абсолютно точно!

Я понятия не имею, любит он тетр или нет. Я предполагаю, что это порода рыбок, хотя… это может быть и видеоигра девяностых годов.

— И кроме того, Елена, когда я положила рядом ваши анкеты, я почувствовала… Удар.

— Тот чувство, которое вы ощущали к Гарри?

— То самое.

Это моя коронная фишка. «Удар Кэйтлин». Чувство, похожее на толчок в моем животе, не столько нервное вздрагивание, сколько небольшое землетрясение. Как будто земля подо мной слегка покачнулась. Впервые я почувствовала это с Гарри. Я помню, как смотрела на него и просто знала, что он будет кем-то особенным в моей жизни.

– Но это только вам решать, чувствуете ли вы к нему что-то подобное, – говорю я Елене, однако мыслями она уже не здесь – как будто я дала ей вескую причину вернуться и попытаться начать все заново. Думаю, большинство людей просто хотят гарантий, что это будет того стоить: светская беседа, первые споры, смелость отдаваться в чьи-то руки, зная, что они могут в любой момент причинить боль.

– Аквариум, да? Кто бы мог подумать! – бормочет она, уже выбегая из туалета.

– На что только не ведутся люди! – говорит женщина в красных туфлях.

Я смеюсь и выхожу вслед за Еленой. Каким-то чудом Джеймс все еще сидит за столом. Теперь все вытерто, и я вижу Бобби на кухне. Он машет мне мокрыми от вина панталонами. Я бросаю на него взгляд из серии «не будь таким жестоким».

– Ты вернулась! – говорит Джеймс, когда Елена садится обратно. – Я не знал, заказать ли нам еще одну бутылку, так что взял тебе пива. Я помню, ты говорила, что любишь его.

Я усаживаюсь обратно в кабинку, улыбаясь.

– А что касается этих трусов... – начинает Джеймс. Представляю, как полыхают его щеки. – Этому есть простое объяснение...

Он рассказывает, что его мама борется с артритом, и ей трудно справляться с большинством домашней работы.

– Она больше не печет пироги, с тех пор как умер мой

папа, – говорит он, пока Елена сочувственно кивает.

– Я понимаю... Давай начнем все снова? Расскажи мне о своих увлечениях... ну, помимо вина, конечно.

– Хорошо, – отзыается Джеймс. – Ну, ты можешь подумать, что это скучно, как и большинство женщин, но была ни была! Что мне терять? Это свидание нельзя испортить сильнее.

Она смеется:

– Да, действительно. Давай, рассказывай!

– У меня есть собственный аквариум.

Елена ахает, чересчур драматично.

– Не... может... быть! У меня тоже есть аквариум!

Он округляет глаза и заговорщически наклоняется вперед.

– Какая у тебя любимая рыба?

– Тетра! А твоя?

Пожалуйста, Джеймс, скажи, что тебе нравятся тетры. Я так сильно уговариваю его мысленно, что почти не слышу его ответа.

– О, я люблю тетр... но еще я по-настоящему тащусь от рыбок-клоунов.

Они начинают возбужденно болтать о разных особенностях своих рыб, и Бобби, чувствуя перемену в настроении за столом, показывает мне большой палец. Я нарочно вытираю лоб, чувствуя, как парик съезжает набок. И начинаю направлять спагетти – они уже остыли, но это не имеет значе-

ния. Томатный соус Бобби (он называет его «красным итальянским», когда думает, что я не слышу) – лучший в городе. Болтовня и смех в кабинке успокаивают меня – скоро я смогу вернуться домой. Елена просила, чтобы я оставалась здесь только первый час. Он почти прошел, но я хочу задержаться немного подольше: Джеймс подался вперед, внимательно прислушиваясь к словам Елены, и теперь она улыбается, ее лицо освещено мерцанием свечи. Я люблю купаться в этом возбуждении, в этой химии.

Я бросаю на стол немного наличных и пишу Бобби коротенькую записку с благодарностью за вечер. Он сидит в углу и с восторгом рассказывает кому-то, как улицы Рима вдохновили его на создание оформления ресторана. Я не хочу его прерывать, поэтому выскользываю, незаметно махнув Елене рукой.

Снаружи толпы людей вываливаются из пабов, сжимая стаканы с пивом и хохоча. Уже появляются первые признаки Рождества: Бобби украсил главный вход электрическими гирляндами, и я вижу несколько еловых лап в окнах наверху. Какая-то парочка уютно устроилась на пороге, и от их дыхания клубится пар. Они чокаются бутылками пива и чмокают друг друга в губы. Я быстро отвожу взгляд, когда они замечают, что я смотрю на них. Очередь такси выглядит заманчиво... однако я лишь плотнее обматываю шею шарфом и иду пешком. Мой дом примерно в получасе ходьбы отсюда, но мне нравится украдкой заглядывать в окна пабов, смотреть

на тех, кто внутри, и ощущать общее предвкушение праздника.

Я смотрю на свое обручальное кольцо. Под светом уличных фонарей в молочном опале видны красные вкрапления. Это считается предзнаменованием неудач – иметь обручальное кольцо с опалом, но я хотела такое с самого детства. Гарри, должно быть, каким-то образом узнал об этом – возможно, от моей мамы, – и обыграл это суеверие в тот вечер, когда предложил мне войти в нашу гостиную, где и опустился на одно колено в окружении открытых зонтиков. Розовых, пятнистых, прозрачных – разбросанных по полу гостиной. Гладкий черный кот, который всегда приходил к нашей задней двери, бродил вокруг, а кольцо Гарри положил на перевернутое разбитое зеркало, которое посыпал солью. Он все продумал, даже приставил лестницу к внутренней стороне двери, под которой я прошла, не заметив¹. «Никакой день не может быть неудачным, если я с тобой», – сказал Гарри. Я была так счастлива, что не могла перестать плакать целых два часа.

Я вспоминаю Елену и Джеймса; то, как он смотрел на нее. И стараюсь сохранить этот образ в своем сердце. Я надеюсь, что в один прекрасный день они почувствуют себя такими же удачливыми и счастливыми, как и я в тот вечер.

---

¹ Практически весь набор несчастливых английских примет. – Здесь и далее: примеч. пер.

Глава 2

– Верити, что происходит? – пытаюсь я до нее докричаться. Телевизор включен на музыкальный канал, и на экране видна танцующая Уитни в фиолетовом платье. Я глотнула вина, ожидая, что сперва придется поморщиться, а затем медленно привыкать к терпкому вкусу. Но оно пошло на удивление легко. Я тянусь за бутылкой. Обычно она просто стоит возле моих ног, чтобы я могла обслужить себя сама. Но сейчас ее там нет. – Где вино?

Верити выглядывает из-за двери, впуская с собою ароматы расплавленного сыра.

- В холодильнике, тебе нужно долить?
- Нет, просто интересно, что это такое было.
- «Пино», по-моему, от «Маркс и Спаркс».

Она снова скрывается в кухне, а я смотрю на ковер. Это что-то новенькое. Вырезки из модных журналов, которые она использует в своей работе – обычно разбросанные по всему полу, – теперь аккуратно сложены и отодвинуты в угол. Я протягиваю руку в щель между диванными подушками, обычно набитую шоколадными обертками. Но там ничего не шуршит. Вчера вечером Верити ясно дала понять, что мне не стоит посвящать очередной субботний вечер работе. Я должна прийти к ней на чай. «И не приходи с пустыми руками», – предупредила она. Я заявилась с бутылкой хорошего

го вина, но холодильник уже был заполнен.

Верити устраивается рядом со мной, сжимая в руках налитую до краев чашку с нарисованным Снуппи.

— Кого ты там разглядываешь? — Верити выхватывает у меня телефон. Я уже два года подписана на «Инстаграм» Полли Ли.

— Ничего там не лайкай! — вскрикиваю я, пытаясь вернуть телефон назад.

Она смеется:

— О, я только немножко...

— Не смей!

Я заглядываю ей через плечо. Это вечеринка в честь пя того дня рождения дочери Полли. Она поставила в саду низкие длинные деревянные столики и накрыла их старинными чайными сервизами, и там были маленькие тортики «Французские причуды» на каждого едока — с выложенным мороженым именем ребенка.

— Ты веришь, что эти пирожные вегетарианские? — Верити читает заголовки доступных постов. — И без сахара.

— Я ела такие раза два... решила себя побаловать, — говорю я, погружаясь в воспоминания.

— Я бы хотела раздавить штук пять о ее физиономию! — заявляет Верити. — Кто эта самодовольная сука?

— Она не так плоха. Была пиарщицей на моей прежней работе.

— Тебе что, сделали лоботомию? Ты их всех там не пере

варивала!

— Ладно, — вздыхаю я. — Она действительно была жабой. Но взгляни на ее жизнь — она просто идеальна!

— Нет ничего идеального в том, чтобы жить без сахара, — помнишь, как я пробовала?

— Помню ли я? У меня остались на память шрамы!

Это было во времена, когда мы с Верити жили вместе — в крошечной квартирке на верхнем этаже, которую снимали только потому, что там имелся балкон. Пол в каждой комнате — даже в коридоре — был покрыт множеством лоскутков ткани: атласом, бархатом, денимом, и мы выживали на полуфабрикатах и вине «два-фунта-за-коробку» из нашего местного магазина. Однажды в январе Верити решила отказаться от сахара, и у нее началась настоящая «ломка».

Она продержалась ровно три дня — а на второй день я вошла в кухню как раз в тот момент, когда она разбила стакан в гневе на то, что кто-то сказал по радио.

— Неужели я чувствую запах лазаньи? — Должно быть, это очередной полуфабрикат, обычно Верити питается только ими. Верити совершенно не умеет готовить и твердо убеждена, что в свободное от работы время может заняться чем-то поинтереснее.

— Ага, поскребла, понимаешь, по сусекам, ну и вот, сообразила кое-что. — Она пытается сохранить невозмутимый вид, прежде чем разразиться хихиканьем. — А, ладно, ты же меня знаешь. Джереми приготовил это, ясно? Я просто по-

ставила ее в духовку.

– Заставляешь своего парня для нас готовить... чистый дом... чистые бокалы для вина... по какому случаю?

Она отворачивается, глядя на экран телевизора. Теперь там показывают старое выступление «Backstreet Boys».

– Да так, просто подумала, что будет неплохо. Давненько мы не зависали у меня вместе. Давай, покажи, на кого ты еще подписана, чтобы я могла их ненавидеть.

Я хватаю свой телефон и открываю профиль Морвены Стар. Морвена Стар – это нелепое имя, но я вроде как люблю ее. Она описывает себя как «целительницу кристаллами», и ее аккаунт полон селфи и снимков ее идеально наманикюренных рук, держащих кристаллы, а также разглагольствований о том, как «опал укрепляет ауру, готовит к новому дню», тогда как цитрин помогает ей «возвращать в себе солнечный свет».

– Никто так не выглядит, занимаясь йогой, – говорит Верити, указывая на одну из фотографий, где Морвена делает прогиб назад на закатном пляже.

– Погоди, кликни вот на эту. – Я показываю Морвену со скрещенными ногами и закрытыми глазами, сидящую под деревом, и читаю подпись: – «Живите в настоящем и настоящим, проводите время на природе, подальше от телефона».

Верити фыркает от смеха:

– А чем же она снимает?

– Я знаю, что это глупо, но по крайней мере она создала

бренд из своего имени. У нее миллионы подписчиков.

– Но ведь все это фальшивка, разве ты не говорила, что она местная?

Я киваю. Не ясно, где ей удается находить такие пляжи или сочные леса, так как после некоторых исследований я обнаружила, что она живет в Шеффилде. В сером холмистом городе, который так далеко от моря, что дети в жаркие дни играют в фонтанах на площади в центре города и с визгом бегают туда-сюда, а их измученные родители сидят на скамейке в парке, потягивая сидр из банок.

– Фальшивка – это ее путь к успеху. Она получает кучу денег благодаря этим постам, – замечаю я, вспоминая о собственной пастве и о том, с каким трудом я пыталась увеличить число своих подписчиков.

– Фу, это так угнетает, – отвечает Верити. – Я просто не могла бы такое делать. – Она отпивает вина. – Покажи что-нибудь, что снова поднимет мне настроение.

Я открываю папку, содержащую все наши старые снимки. Одна из нас только что закончила университет: на мне обрезанные зеленые клетчатые лосины, джинсовая мини-юбка с прорехами и синяя пятнистая толстовка, а на Верити – джинсовые шорты, неоново-желтые серьги и черный жилет. Она переживала период увлечения стилем Эми Уайнхаус, сильно затеняла глаза и красила губы в красный цвет.

– Мне тогда еще не хватало смелости уложить волосы в «улей», – говорит она, поглаживая свою прическу «афро».

Мы прокручиваем снимки вместе, пока не добираемся до более поздних. Там есть фотография, где мы с Верити на открытии парикмахерского салона. Верити пригласила туда одну из ее клиенток, бывшая жена футболиста, только что получившая солидный куш при разводе и решившая открыть собственное дело. Я в черно-белом платье до колен в тонкую полоску и туфлях на высоком каблуке, которые – судя по моему лицу – жмут, а Верити в винтажном платье семидесятых годов длиной до пола, усыпанном оранжевыми цветами. Гарри сказал тогда, что она похожа на ковер его бабушки, и Верити со смехом запрокинула голову… На заднем плане кто-то строит ей рожки. Смех Верити обычно такой громкий и бесцеремонный, что вы либо присоединяетесь к ней, либо гадаете, откуда может исходить этот странный гудящий звук.

Далее мы втроем на моей деловой вечеринке – у Гарри под глазами серые круги: он работал целыми днями, а потом помогал мне по вечерам в течение нескольких недель в ее преддверии. Все закончилось тем, что он заснул в туалете около часа ночи. На следующем снимке мы вдвоем стоим на пороге, держа в руках ключи от нашего дома, – мои волосы заплетены в косички, а Гарри весь в пыли.

Верити смотрит на мой стакан. Я отпила из него глотка четыре.

– О, тебе пора доливать! – Она встает и торопливо идет в кухню, расположенную за стеной. На ней джинсы с ярко-розовыми кисточками, свисающими с ягодиц, – они колышутся

при ходьбе, как перья у танцовщицы двадцатых годов. Когда она возвращается, то сжимает мое колено – старая привычка, перенятая ею у своей бабушки. Я отмахиваюсь от нее. Лицо Гарри все еще на экране моего телефона. Верити осторожно берет телефон из моих рук и кладет на пол. – Ты никогда не догадаешься, что произошло сегодня на съемочной площадке… – И она начинает увлеченно рассказывать историю Дженны Селф, давней участницы реалити-шоу «Остров любви», которой подбирала образ на этой неделе. Ей не следовало бы говорить об этом – если хоть что-то подобное попадет в прессу, у нее возникнут большие неприятности, – но она просто ничего не может с собой поделать. Мы обе были одержимы знаменитостями еще со школы. Когда мы жили вместе, то целыми днями валялись на диване и смотрели реалити-шоу. Верити всегда анализировала наряды и внешность всех конкурсанток и говорила: «Вот бы мне приложить к ней руку…»

– На каждый наряд, который я вытаскивала, Дженна говорила: «Дженне не нравится» – и надувала губы. А потом визажистка обнаружила, что она сперла все лаки для ногтей! Наверно, запихала в свою сумочку пузырьков двадцать!

– О Боже! – разеваю я рот. – А она по-прежнему вместе с тем, ну?..

– Крисом? Ага, он подцепил ее в конце концов. Готова поклясться, этот парень на стероидах или чем-то таком, он сложен буквально как треугольник.

- Это же очевидно, что он ей изменяет, – говорю я.
- Ты имеешь в виду ту неделю, когда его застукали с двумя блондинками в туалетной кабинке, а он ответил, что «помогает им открыть задвижку»?
- Ага, когда его прозвали Крис-сантехник, – киваю я, заглядывая под диван в поисках кипы глянцевых журналов, которые обычно там «живут». Однако от них остались лишь смазанные следы в пыли. – Я хочу сказать, что ненавижу ее, но никто не заслуживает строить отношения с обманщиком.

Верити сидит, перебирая кисточки, прикрепленные к джинсам, – одна пообтрепалась, и она играет с ее концами.

– Мм-хмм, – мычит она, прежде чем снова вскочить. – Вот и лазанья готова!

– Хочешь, помогу тебе разложить по тарелкам? – спрашиваю я, но она заверяет, что все в порядке, мол, не дергайся.

– Как прошло вчерашнее свидание? – слышу я ее крик сквозь стук тарелок.

– Сперва была полная катастрофа! – кричу я в ответ. – Но я его спасла!

Она входит и протягивает мне тарелку с щедрым куском лазаньи, от которого поднимается пар.

– А как тебе парик?

Верити берет парики на работе – она стилистка – и постоянно одолживает их мне, чтобы визави моих клиенток не просекли, что я выступаю при них в роли дуэньи.

– Не особо, – признаюсь я. – Уж не знаю, где ты их ста-

ла брать с недавних пор. В нескольких последних только в фильмах ужасов сниматься.

Я замечаю довольную ухмылку на ее лице, пока она жует лазанью.

– О нет! – со стоном произношу я. – Ты ведь не нарочно, правда?

Верити начинает гудеть (смеяться):

– Конечно, нарочно! Ну прости. Бобби придумал, что будет забавно какое-то время давать тебе дерымовые парики ради прикола.

Она достает свой телефон и показывает мне снимки: как я с самодовольной улыбочкой сижу в ресторанной кабинке, прислушиваясь к тому, что происходит за столиком Джеймса и Елены. Черный парик топорщится вокруг моих щек, а на следующем снимке я пытаюсь осторожно под ним почесаться, чтобы никто этого не заметил.

– Боже, я думала, что выгляжу как Эдвард Руки-ножницы, но теперь вижу, что все гораздо хуже.

Верити в истерике хватает меня за руку:

– Как перекрашенный Борис Джонсон!

– Не могу поверить, – говорю я, притворно сокрушаясь. – Моя лучшая подруга специально выставляет меня в ужасном виде ради собственного развлечения.

– Да брось, – произносит она добродушно. – Я сказала Бобби, что мы не будем выкладывать это в «Инстаграм». Он хотел назвать это фото «Воронье гнездо».

– Хештег «образ дня» и хештег «Борис Джонсон – моя икона стиля», – говорю я.

Верити тянется к полу и подтаскивает к себе зеленую магазинную сумку «Маркс и Спаркс», лежащую сбоку дивана.

– Вот, остались кое-какие закуски! Мы тут целую банду принимали…

Она начинает выгружать добычу на кофейный столик.

– И Перси, и девушку Перси, и любовницу Перси…

– Только не Панду! Неужели?..

Подруга торжествующе кивает:

– Пенни понятия не имеет.

– Бедняжка, – говорю я, разрывая пакетик и кладя в рот мармеладную конфетку. – Но может, ей удастся замутить с Колином, чтобы отомстить.

– Оooo, у меня есть хороший вопрос! – выпаливает она. – «Кого бы ты предпочла?» Помнишь нашу игру?

Это было нашим любимым развлечением в детстве. Мы могли часами сидеть на лужайке в парке, посасывая пятипенсовые леденцы и спрашивая друг друга синими от красоты ртами, кто больше нравится – частенько сравнивая наших школьных хулиганов и учителей и выбирая между ними.

– Колина или Перси? – торжественно вопрошают Верити.

– Ты ставишь меня перед выбором, с кем я хочу трахаться – с тортом или с мармеладным мишкой?

– Ага, – отвечает она. – И ты должна ответить. Таковы правила.

– Я леди, – говорю я с томной улыбкой. – Леди не отвечают на такие вопросы.

Она играво бьет меня подушкой:

– Чушь собачья! И это я слышу от женщины, которая признавалась, что влюблена в Морскую ведьму Урсулу!

– Такого не было! – бью я ее в ответ.

– Так было.

– Ну ладно, всего однажды, когда я перебрала джина. И кстати, Урсула очень сексуальная женщина.

– Урсула – это помесь осьминога с трансвеститом.

– Ну уж я не из тех, кто мечтает о Фокси из рекламы «Бинго»!

– Я остаюсь при своем мнении, – заявляет Верити. – У Фокси есть сексуальный шарм, и у него превосходный вкус в одежде.

Наступает пауза, и я вспоминаю о завтраших хлопотах.

– Помнишь тот вечер несколько недель назад, когда ты заявила в мой офис с бутылкой белого?

Верити кивает:

– Это был веселый вечерок.

В итоге мы взяли еще одну бутылку, а затем отправились в рок-паб неподалеку от моего офиса, где пили текилу с байкером по кличке Газ. Дальше я помню все как-то смутно.

– И в тот вечер, перед тем как выйти гулять, мы перебирали анкеты и решили свести двух моих клиентов, помнишь?

– Погоди, что-то припоминаю. У них был один и тот же

любимый напиток?

– Да, но это все, что было между ними общего, – киваю я, вспоминая, как Верити завопила: «Сухой мартини с лимоном!» – и звякнула в маленький медный колокольчик, как я обычно делаю, когда нахожу идеальную пару. Я рассмеялась и сказала: «Отлично, заметано. А теперь пойдем в паб».

– Один из них был Элайджа, – продолжаю я, – ну ты помнишь, парикмахер?

Она кивает.

– Такой капризный с виду маленький засранец.

– Точно. И мы решили познакомить его с тем неряшливым рокером-геем, Томом. И теперь я должна присматривать за их завтрашним свиданием. Похоже, это будет катастрофа.

– Так ты просто приди в ресторан и глянь, как у них дела. И если ничего не срослось, скажи Элайдже, что это был такой хитроумный эксперимент, чтобы показать ему, какие плохие на свете бывают парни, ну или придумай еще какое-нибудь дермо вроде того.

– Не думаю, что ты вполне понимаешь, в чем заключается моя работа, – улыбаюсь я. – Но я все равно не смогу так сделать, поскольку уже договорилась с ними, что завтрашняя встреча пройдет в зоопарке.

– Что? В зоопарке? – недоуменно переспрашивает Верити. – Но вокруг на многие мили даже нет ни одного. Почему? Зачем?

– Мне лучше знать, – отвечаю я, вспоминая тот день, когда решила, что свидание Элайджи должно состояться в каком-то другом месте, новом и необычном. Он сидел в моем офисе и многословно рассказывал, что обычно всегда ходил на свидания в бары, где подают шампанское, с мужчинами, которые пододвигали ему стул и оплачивали весь счет. «И как вы встречались с парнями, которые готовы на все это ради вас? Куда они подевались?» – спросила я. «О, – ответил он, поднеся руку ко рту, чтобы скрыть нервный смешок, – они все оказались полными ублюдками». – Он такой избалованный, что я просто подумала – ему лишь пойдет на пользу, если он отправится куда-то в другое место. Теперь я, понятно, сама об этом жалею.

– Все будет хорошо, – подруга участливо сжимает мое колено. – Ты же у нас специалист в этом. Вспомни, скольких людей ты уже сделала счастливыми.

– Я знаю. Я просто очень хочу вывести свое дело на новый уровень, только не вполне уверена, что свидание в зоопарке этому соответствует.

– Может, и нет, – отвечает она. – Но ты все равно всегда добиваешься того, что настроилась сделать. Не будь к себе слишком строгой.

Я вздыхаю, вспоминая одно лето, когда мы вместе проводили свободное время на нашем балконе, воодушевленно строя планы на будущее. Была середина июля, и однажды дремотным вечером я впервые увидела Гарри. Верити бы-

ла одета в изумрудно-зеленое бальное платье и кроссовки, и солнце только начинало клониться к закату, бросая золотой свет на нас обеих. Мы пили дешевое игристое вино, и Верити заметила Гарри первой, указав на парня внизу, тащившего на себе по улице красное потрепанное кресло, пока шествующая впереди девушка, одетая с головы до пят во все ярко-розовое, копалась в своем телефоне.

«Классная задница», – сказала подруга, и я хихикнула. Чуть позже, когда у нас закончилась выпивка и я спустилась в магазин за добавкой, то на обратном пути услышала за спиной этот голос. Я резко обернулась и снова увидела его. Его выющиеся каштановые волосы, падающие на голубые глаза; его крепкую фигуру и выразительный кадык; его легкий загар; несколько эластичных браслетов на запястье. Мне захотелось раствориться в нем целиком. Он смеялся, и мне понравился его смех – хоть и похожий на собачий лай. Казалось, что-то замерло внутри меня, а затем очнулось и затанцевало, словно мое сердце решило устроить вечеринку. Я попыталась улыбнуться симпатичному незнакомцу, но не слишком преуспела; вместо этого я бросилась вверх по лестнице, отчаянно желая рассказать о нем Верити.

Она только рассмеялась и сказала: «Надеюсь, ты на него еще наткнешься». Мы продолжили пить, любуясь небом, которое превращалось из голубого в розовое и становилось похожим на набор сладостей-ассорти. Верити пришла в голову идея – написать наши мечты на листочках бумаги, а затем

сложить в бумажные самолетики. Она с легким сердцем написала свою: мир моды был частью ее грез с тех пор, как она впервые примерила вечернее бархатное платье своей мамы. А я поначалу возразила. Я смутно ощущала, хотя это чувство еще не вполне оформилось в мысль, что путь, который я выбрала – специалист по пиару, – не был правильным. Но теперь появилось то, чего я действительно желала: тот парень, от которого танцует сердце. Гарри. И я написала эту мечту, тогда даже не зная, как его зовут, и быстро сложила листок, чтобы Верити не успела увидеть. Небо к тому времени стало васильково-синим, и мы запустили наши самолетики, увлеченно наблюдая, как они планируют на тротуар.

Глава 3

— Ааркхх, аааркхх, аааркхххх! — кричат на меня три обезьяны, а их самец сидит на куче опилок, зажимая руками уши и мерзко ухмыляясь. Я тороплюсь к Тому и Элайдже, но обезьяны быстро следуют за мной, перемещаясь вдоль решетки, пока я иду. А за ними движется толпа зрителей, тоже охающих и ахающих не хуже обезьян.

— Ох уж эти обезьяны, — говорю я женщине, с головы до ног одетой в «хаки» и не опускающей камеру от лица. — Их вопли просто невозможно слушать с похмелья.

Верити предсказуемо откупорила следующую бутылку вина — «ну, еще по бокалу и все!» — прошлым вечером, и дело закончилось тем, что мы допили эту бутылку и я, хихикая, ввалилась в такси до дома только около часу ночи.

— Ну, вы им определенно нравитесь, — отвечает женщина, непрерывно щелкая камерой. — Они словно с ума сходят при каждом вашем шаге. Вот почему я стараюсь держаться поближе к вам. Думаю, это из-за ваших замечательных рыжих волос.

Я поднимаю руку к парику и тут же ее отдергиваю: сегодня на мне короткий, рыжий, курчавый вариант — помесь Джель-сомино и клоуна из «Макдоналдса».

Сегодня утром я сделала селфи и отправила его Бобби и Верити. «Это последний раз, когда вы, негодяи, такое со

мной творите!» – приписала я, прекрасно зная, что они не обратят на это ни малейшего внимания.

Теперь я вижу Тома с Элайджей более отчетливо: и рваные джинсы Тома, и его «Конверсы» со слоем засохшей грязи. Элайджа одет в нежно-голубые брючки, изящные коричневые полуботинки и ярко-зеленую куртку-парку. Волосы, уложенные в прическу, добавляют около дюйма к его росту. Зачем я позволила Верити отобрать этих двух? Только потому, что они любят одинаковые напитки, или же было что-то еще?

Теперь они подошли к верблюдам. Большие коричневые звери грустно глядят на них из-под длинных ресниц. Верблюды тут явно не являются звездным аттракционом, несмотря на то, что перед ними расставлены деревянные рождественские ясли, а поверх вольера развесаны гирлянды с разноцветными лампочками в попытке создать рождественское настроение. Я прячусь за забором, глядя через щель в досках: Том ухмыляется, а Элайджа стоит спиной к кирпичной стенке, яростно прыская дезинфицирующий гель в свою левую ладонь.

– Да ладно тебе, – говорит Том, наклоняясь к нему и протягивая руку. – Они не кусаются.

– Они могут ПЛЮНУТЬ! – выкрикивает Элайджа, теперь свирепо протирая правую ладонь.

И что-то такое просыпается на задворках моего сознания, какая-то мысль, которую не получается ухватить. Я пытаюсь

представить анкету Элайджи, нашу первую встречу, но это не срабатывает. Вот эти движения рук, растирание, как будто он стремится в итоге содрать с них всю кожу. Вот что вызывает отклик в глубине моей души.

Теперь Том выглядит слегка раздраженным. Его брови нахмурены, хотя на лице по-прежнему улыбка.

– Пойдем, они великолепны…

Том привычен к давке на рок-концертах, к людям, пробегающим в шипованных сапогах по его плечам, падающим и норовящим забраться по нему обратно. Он привык к чужим потным подмышкам перед лицом, к пластиковым стаканам из-под пива, наполненным мочой и летающим над головой. Так что серьезный, граничащий с обсессивно-компульсивным расстройством страх Элайджи перед микробами для него пустой звук. А затем меня осеняет: я вспоминаю, что у Элайджи и есть практически обсессивно-компульсивное расстройство. Этот зоопарк – худшее место из возможных, куда он мог пойти. Я должна как-то вытащить их отсюда.

Я осматриваюсь вокруг. Как же мне это провернуть? Я знаю Элайджу. Он может ненавидеть это место, но он упрямый. Если согласился что-нибудь сделать, то пойдет до конца из принципа. Он просто обидится на Тома за неудачное свидание. И это несправедливо, ведь только я во всем виновата.

Оказалось, забор, за которым я притаилась, ограждает нечто вроде организованной на скорую руку складской зоны,

где хранится огромная беспорядочная куча пластиковых конечностей динозавров. И на ее верхушке неустойчиво покачивается динозаврова голова. Возможно, я смогу использовать ее как маскировку? Надеть и сказать им, что где-то там проходит шоу динозавров, например? Прогнать их отсюда прочь?

Я кидаюсь к этой куче, стаскиваю парик и швыряю его на землю. И начинаю тянуться вверх, отчаянно желая добраться до головы, однако она для меня слишком высоко. Голова смотрит на меня своими неживыми суровыми глазами.

– Какого черта ты тут удумала?

Я резко оборачиваюсь, успев вцепиться в коготь. Это стало слишком поспешным движением, и все конечности обрушиваются вокруг меня, как башня из кубиков. Голова скатывается и с грохотом приземляется возле моих ног, ее глаза таращатся на меня. Так же, как и крепкая с виду коренастая женщина. Она держит ведерко с рыбой. Губы возмущенно кривятся. Если бы из ее ушей мог идти дым – он бы шел.

Она просто смотрит на меня, пока я подыскиваю слова, которые наконец срываются с моих губ:

– Джордж, Джордж велел мне прибраться здесь! – Я гляжу себе под ноги и указываю на красный бугристый хвост. – Он сказал, что это больше не нужно.

Джордж – это имя управляющего, как мне кажется. Женщина качает головой:

– Это ты, что ли, новенькая? Джоанна, вроде?

Я улыбаюсь, как надеюсь, застенчиво.

– Ну я не знаю, за каким чертом тебе так сказали, – говорит женщина, у которой, как я теперь замечаю, на груди висит бирка с именем. «Китти». – Луис уже десять минут ждет в вольере с пингвинами. Шоу начинается в пять.

Она протягивает мне желтое ведро:

– Отнеси это ему и поторопись. И Бога ради, надень свою форму.

Напротив теперь разваленной горы динозавровых запчастей стоят три шкафчика с кепками и куртками – все с эмблемой зоопарка. Почему я не заметила их первым делом? Я слышу, как Том говорит: «Ну хорошо, давай просто пойдем к другому вольеру, если ты этого хочешь», пока сражаюсь с застежками темно-зеленой куртки и заправляю свои натуральные волосы под фуражку. И вышагиваю навстречу Тому с Элайджей, сжимая в руках ведро. Я много раз встречалась с Элайджей, даже еще до того, как он нанял меня в качестве свахи. Его парикмахерская расположена на той же стороне улицы, что и мой офис. К счастью, с Томом я общалась только по телефону, и я молюсь, чтобы он не узнал меня по фотографии с сайта.

Прежде чем заговорить, я натягиваю кепку пониже на лицо.

– Простите, господа, – произношу я, и глаза Элайджи округляются, он даже перестает тереть свои руки. Том ухмыляется, а затем быстро принююхивается, сморщив нос. Элайджа в ужасе смотрит на ведерко. Некоторые рыбы еще

шевелятся. – Боюсь, что зоопарк закрывается. Произошел небольшой инцидент в вольере с гориллой. Вам лучше уйти прямо сейчас.

– О нет! – ахает Элайджа, хватаясь за сердце. – Мы уходим немедленно.

– Ужасно сожалею, что прервала вашу прогулку, – продолжаю я. – Но видите вон ту кофейню через дорогу? Там подают отличный горячий шоколад с пастой.

– Звучит аппетитно, и не волнуйтесь, это не ваша вина, – отзыается Том, беря Элайджу под локоть и уводя его за собой к выходу.

Я иду следом вдоль ограды, поторапливая их, когда Элайджа вдруг оборачивается ко мне и говорит, подмигивая:

– Вам, наверно, следует сообщить и остальным посетителям о том, что произошло?

Я свирепо гляжу на него. Но он прав. Это должно выглядеть правдоподобно для Тома.

– Дамы, – обращаюсь я к группе из трех посетительниц. – Вообще-то зоопарк сейчас закрывается, потому что у нас возникла небольшая проблема...

– В вольере для горилл, – подсказывает Элайджа. Блондинка из группы хмуро смотрит на меня. На ее груди значок: «Пятьдесят – это новые сорок!»

– Но я только что заплатила за билеты, что за нагибалово! Ее подруги тут же согласно кивают. У одной из них я замечаю маленькую бутылочку вина, из которой та пьет через

соломинку.

– Вам вернут полную стоимость, но ваша безопасность – в приоритете.

На нас оглядывается мужчина лет пятидесяти.

– Безопасность? А в чем проблема, мисс?

– Вы в полной безопасности, это просто ради профилактики, но мы сделаем все необходимое, чтобы вы и ваша мама спокойно эвакуировались, – я улыбаюсь пожилой женщине в пальто леопардовой расцветки, стоящей рядом с ним.

– Простите, – сообщает она, – но я его жена.

Я уже собираюсь извиниться, но тут кто-то хлопает меня по плечу. Я оборачиваюсь. Передо мной – тощий подросток с россыпью прыщей на подбородке.

– Что происходит? Я ничего не слышал насчет этой гориллы, – говорит он писклявым голосом. К его поясу прикреплена черная рация, из которой доносится, что пингвины до сих пор не получили еду. Я тянусь к ней, отстегиваю и вешаю на ремень своих джинсов.

– Да, сейчас мы должны эвакуировать людей... Возьми это, – я протягиваю ему ведро с рыбой. – Вырвалась горилла или нет, а пингвинов надо кормить. Я буду на связи и дам знать, что происходит.

Я не хотела произносить слово «вырвалась»! Оно само выскочило.

– Гориллы сбежали! – восклицает кто-то за моей спиной, и этот крик вызывает эффект мгновенной паники, расходя-

щейся, как круги по воде. Как падающие костяшки домино. Первый человек срывается к выходу, за ним остальные, меня толкают туда-сюда с разных сторон бегущие люди. Том начинает изображать гориллу, и Элайджа присоединяется к нему, их обоих сталкивают с дорожки, и они медленно плывут вдоль ограды вместе с толпой.

Я пытаюсь успокоить людей.

– На самом деле гориллы – очень дружелюбные звери, – кричу я вслед пробегающему мимо человеку, прежде чем обернуться к женщине, которая вцепилась в мою руку и не отпускает. – Да, я знаю, что о них рассказывают всякое на канале «Живая планета», но там любят преувеличивать. Наговаривают на зверьков.

Китти стоит у ворот зоопарка с мегафоном в руке. Толпа бежит прямо на нее, но она шагает навстречу, выставив перед собой руку, как регулировщик дорожного движения. Толпа – словно несущиеся машины в потоке – притормаживает. Я начинаю пятиться назад, стараясь спрятаться за спинами, чтобы Китти меня не заметила.

– Всем УСПОКОИТЬСЯ! – кричит она. Мегафон хрипит, но ее голос сквозь него вполне разборчив. – Что происходит?

– Гориллы сбежали! – орет кто-то из толпы.

– Что? Нет, они все на месте, – говорит она и опускает руку с мегафоном. – Не будьте идиотами!

– Но нам так сказали два сотрудника!

По толпе пробегает шепот согласия.

– Мы тут ни при чем! – бормочет один из посетителей.
– Просто делаем то, что нам сказали! – подхватывает другая.

– Кто именно? – требует ответа Китти.

Я осторожно стаскиваю кепку, стараясь не делать резких движений, и мои белокурые локоны рассыпаются вокруг головы.

– Вон тот! – говорит кто-то в толпе, указывая на моего невольного сообщника. – И еще девушка с кудрявыми светлыми волосами.

Я ныряю вниз, прежде чем кто-то успеет меня заметить. И сижу на корточках, зажатая между чьими-то красными ботинками «Доктор Мартенс» и простенькими белыми туфлями-лодочками. И тут внизу со мной – маленькая девочка, сжимающая в руках шапочку в форме оранжевой тропической рыбки. Она несмело машет мне рукой.

– Привет, – шепчу я. – Я Кэйтлин.

– Вайолет, – представляется она в ответ. – Вы смотритель зоопарка?

– Ага, – говорю я. – Какое у тебя любимое животное?

– Ленивец, – отвечает она. – А вы знаете, что они умеют плавать очень, очень быстро?

– А еще они какают раз в неделю, – киваю я, и девочка хихикает.

– А гориллы правда сбежали?

Я отрицательно качаю головой, но подношу палец к губам:

– Только давай это будет наш с тобой секрет.

Она изображает замок на губах. Затем манит меня поближе и серьезно говорит на ухо:

– Я хочу стать смотрителем зоопарка, когда вырасту.

– Ты бы была великолепным смотрителем. Ты уже так много знаешь о ленивцах.

– И об улитках тоже! Вы знаете, что они могут спать три года подряд?

– Я не знала. Я бы с удовольствием проспала три года подряд.

– А я бы не смогла, – качает головой Вайолет. – Спать – это так скучно.

– Это гораздо интереснее, когда ты старше. Эй, Вайолет, а ты знаешь, что нужно для того, чтобы стать смотрителем?

– Корм для ленивцев, – решительно отвечает она.

– Ну да, он тоже пригодится. Но еще тебе понадобится униформа.

Девочка разевает рот с восторженным вздохом, когда я накиваю ей на голову свою форменную кепку и набрасываю на плечи куртку.

Над собой я слышу женский голос с сильным манчестерским акцентом:

– Меня не волнует, что она говорит. Я не собираюсь рисковать.

Женщине отвечает мужской голос:

– Но мы только что купили билеты. Вайолет ждала этого

всю неделю.

Вайолет, цепляясь за ногу в джинсовой штанине, начинает продвигаться вперед вместе с ней.

— Мне надо идти, — говорит она. — Но вы можете взять взамен мою шапку.

И протягивает мне «спасательный круг» — оранжевую шапочку в виде рыбьей головы.

— Спасибо, Вайолет! — благодарю я, натягивая ее и заправляя внутрь волосы.

Она показывает мне язык.

— Вы смешно выглядите! — улыбается она, и ее тянут прочь.

Я отряхиваюсь и встаю: все вроде немного успокоилось. Но я нигде не вижу Тома и Элайджу. Я все же надеюсь, что мой план сработал. Вспоминаю, как они вместе убегали. И оба нашли забавное в этой ситуации, держась за руки и подшучивая над остальными посетителями. Может, в конце концов, они не так уж и плохо подходят друг другу?

Я направляюсь к выходу. Китти отвлеклась, докладывая в шипящую рацию:

— Это была новенькая, Джоанна! Нет, я не знаю, с чего это ей в голову взбрело!

Когда она говорит, у меня на поясе что-то жужжит. Моя рация! Я повесила ее на ремень джинсов! Я перехожу на рысь, выбегаю из зоопарка и заворачиваю за угол, где наконец отстегиваю рацию и кладу на стену. Надеюсь, кто-нибудь

найдет ее там.

Тут я замечаю Элайджу, прислонившегося к фонарному столбу и машущего мне. Я показываю на свою рыбью голову и начинаю смеяться, и он присоединяется, заключая меня в объятия, пока мы оба задыхаемся от смеха.

– М-да... теперь я понимаю, что значит – «быстрое обострение ситуации», – говорит он.

– Мне так жаль... я не должна была предлагать зоопарк! И я просто решила вытащить тебя отсюда. Я не хотела, чтобы моя ошибка помешала вам узнать друг друга получше!

– Ты такая милая, Кэйтлин Картер.

Я отрицательно качаю головой:

– Но самая плохая сваха на свете. Это не сработало... – Я указываю на пустое пространство рядом с ним. – Ты один...

– Он ужасный вариант для меня, – заявляет Элайджа. – Совершенно ужасный. Ты видела его волосы?

Я перестаю улыбаться.

– Я знаю, но если его слегка отмыть, он будет выглядеть великолепно! И... и я действительно думаю, что вы могли бы быть вместе, если бы ты познакомился с ним поближе.

– А что касается его грязных кед, то...

Должно быть, я выгляжу очень расстроенной, потому что Элайджа внезапно улыбается.

– Ладно, не могу больше над тобой издеваться! Он совершенно ужасен, но именно поэтому он сейчас в той кофейне, ждет меня.

– Ты решил дать шанс ужасному варианту! – подпрыгиваю от радости я и снова его обнимаю.

– Идеальные меня не устраивали, ну и вообще… – говорит он. – Даже если все пойдет наперекосяк, у меня по крайней мере будет забавная история для мемуаров. А у тебя… у тебя отличная шапка. Ты должна оставить ее себе. Так и ходи, она тебе идет.

И с этими словами он разворачивается и спешит в направлении кофейни.

Глава 4

На следующий день я просыпаюсь рано. Я стою у окна нашей спальни и смотрю, как самолет рассекает темное небо. В глубине окна напротив я вижу женщину с осовелым взглядом, кормящую ребенка грудью. Все машины на нашей улице покрыты инеем. Вокруг тишина. Я спала плохо, адреналин со вчерашнего дня еще бурлил в крови, и я лежала в постели с закрытыми глазами, усилием воли заставляя сон прийти. Но я чувствую себя не разбитой, а обновленной. Как будто туман, окружающий меня, немного рассеялся.

Том написал мне, как только я приехала домой: «Он самый лучший, я просто одержим им!» – с тремя смайликами-сердечками. Елена также прислала электронное письмо, сообщив, что они с Джеймсом договорились о следующем свидании.

Удачные пары – вот что мне нужно. Необходимо создать как можно больше счастливых пар, думаю я, пока одеваюсь слоями: черная водолазка, следом серый джемпер и затем еще больший пушистый черный джемпер. Я сую ноги в угги, «башмаки муми-троллей», как называет их Гарри: он ненавидит шум, который я издаю, когда ношу их, – постоянное шарканье и шлепанье.

Когда я выхожу на улицу, птицы только начинают щебетать. Я иду, опустив голову и подняв меховой капюшон, по-

ка не добираюсь до Уэст-стрит, где немного более оживленно. Мимо с грохотом проезжают трамваи, а аптека только открывает свои двери: женщина в белой накидке с оранжевой полоской вокруг воротничка устало улыбается мне, пока поднимает ставни-роллеты.

Я взбегаю в свой офис, перепрыгивая через две ступеньки за раз: маленькое помещение над кофейней «Коста», которое я арендовала полгода назад. Моя бежево-розовая, медно-золотистая гавань. Я провожу тут большинство дней с семи утра. Я завариваю себе крепкого чаю, украдкой бросаю туда один кусочек сахара, хотя здесь нет свидетелей, и начинаю распечатывать на принтере новые заявки, которые пришли за ночь: их почти сорок. Я печатаю на бумаге каждую анкету отдельно и аккуратно их подшиваю. Я люблю это делать, потому что так все кажется более реальным – напоминает, что я должна заботиться о чувствах клиентов, что они не просто изображения на экране моего компьютера.

Сперва я начинала свое дело просто с подруг, и с подруг подруг, которые слышали, что у меня есть эта способность – определять, кто подходит и не подходит друг другу; и постепенно слухи обо мне стали распространяться. Я навсегда запомнила первый имейл, полученный от незнакомки. Я месяцами убеждала себя, что однажды у меня просто закончатся знакомые, и все, на этом делу конец; однако тут появилась Джен. У нее были густые выющиеся волосы, почти как у меня, но шоколадно-коричневого оттенка, такие блестящие,

словно их покрыли глазурью. Еще у нее были огромные зеленые глаза-омуты и широкая открытая улыбка. Интересно, известно ли ей, как много она для меня значит? Надеюсь, она по-прежнему счастлива со своим подобранным мной партнером – владельцем местного магазинчика товаров для вечеринок, с которым я познакомилась, когда покупала воздушные шары.

Эйд скоро будет здесь. Уже почти десять утра, а она склонна появляться между этим временем и полуднем, как правило, с запахом перегара от белого вина и полная историй о прошедшем вечере. Наверно, мне следовало бы быть с ней построже – назвать четкое время начала и окончания рабочего дня и убедиться, что она поняла. Но, хоть я и ее начальница, мне нравится ее безалаберность – то, как она энергично влетает, словно вихрь, и тем самым вырывает меня из грез, в которых я застреваю.

К моему удивлению, она прибывает ровно в десять, как и положено: одетая в кожаную юбку-карандаш и белую футболку с крупной кричащей надписью: **«ВОТ ТАК ВЫГЛЯДИТ ФЕМИНИСТКА»**. Вместо обычных грязных «Конверсов» на ней пара остроконечных туфель.

– Что, Эйд, вечерок задался? Хочешь кофе? – спрашиваю я, пробираясь к кофеварке.

– Не, некогда, – отвечает она, вытаскивая свой ноутбук. – У меня есть план действий получше.

Эйд – специалист по продвижению в соцсетях. Она ра-

ботала с крупнейшими брендами страны: выполняла задачи для «Гугла», «Снапчата» и «Пепси», а потом, около года назад, собрала вещички и переехала в наш город Шеффилд для своих дальнейших авантюр. Как сказала мне Эйд при первой встрече, она выбрала Шеффилд, потому что очень любит фильм «Мужской стриптиз», действие которого здесь и происходит. Когда я впоследствии пыталась узнать подробности о ее внезапном переезде, она лишь покачала головой. «Слишком много всего навалилось», – вот и все, что она сказала. По тому, как она избегала моего взгляда и сжимала ладони в кулаки, я поняла, что это как-то связано с расставанием. И не стала ее пытать. Если захочет, сама расскажет, когда будет готова.

Я наняла ее два месяца назад, поставив для нее маленький письменный стол напротив моего. Она сидит там, печатает на ноутбуке и время от времени показывает мне какой-нибудь мем или смешную статью из Интернета, от которых я ржу как сумасшедшая.

Эйд постукивает длинным, свеженаманикюренным фиолетовым ногтем по экрану. Я никогда не понимала, как она может печатать с такими штуками на пальцах.

– Что это?

На экране открыт мой «Инстаграм» с фотографией безалкогольного коктейля, которую я подписала: «Разве алкоголь важен для веселья?», сопроводив всем полагающимся набором «трезвых» хештегов.

– Трезвость сейчас в моде! Все так делают... – отвечаю я, возвращаясь за свой стол. Фотография девушки на верхней анкете в стопке: ее нос-кнопка и темно-зеленые глаза будто взывают ко мне. Я хочу взять анкету и спокойно прочитать, но Эйд все еще говорит, так что я снова перевожу на нее взгляд и пытаюсь слушать.

– Но ты же не трезвенница, – замечает она, указывая на розовый мини-холодильник в углу. – Что у тебя там?

– Вино, – отвечаю я покорно. Еще там диетическая кола, салат «Цезарь», вероятно, уже «задумавшийся», и по каким-то непонятным даже для меня причинам – тюбик томатной пасты. Но я понимаю, к чему она клонит. Затем она начинает разглагольствовать о силе «неподдельности» и «привлечении лояльных подписчиков», декламируя слова и фразы, которыми пестрит Интернет, но на которые я никогда не обращала особого внимания. Я поглаживаю стопку бумаг перед собой; в анкете «носа-кнопки» говорится, что она хочет брать уроки бокса. Джорди, вспоминаю я: кажется, он занимается с детьми боксом каждую неделю? Если я смогу отыскать его анкету в этом нижнем ящике, то...

– Ты меня не слушаешь! – заявляет Эйд, угрожающе наставив на меня ноготь.

– Слушаю! – протестую я, быстро отдергивая руку от ящика и кладя обе ладони на стол, как ребенок, выворачивающий карманы, чтобы показать: в них нет никаких запретных сладостей.

Она ухмыляется:

– Ну тогда ладно… о чем я только что говорила?

Я смотрю на «нос-кнопку», его обладательница лишь мило улыбается мне. Она не может подсказать ответа.

– Хештеги, – говорю я уверенным тоном. Это неправильный ответ. Но он, по крайней мере, заставит Эйд улыбнуться.

– Нет, бестолочь. Я говорила, что тебе надо выкладывать больше ваших совместных с Гарри фото. Такие снимки – всегда самое лучшее. Признаться, те истории, которые ты рассказывала о вас, вызывают у меня желание сбежать и выйти замуж за дантиста.

– Не стоит, он все равно не станет лечить тебя бесплатно, – говорю я, внезапно жалея, что Эйд не щенок, которому можно просто бросить красный мячик, чтобы она побежала за ним и отвлеклась. «Иди, Эйд, поиграй», – сказала бы я и не мучилась бы сейчас, чувствуя себя так, словно меня пронзают булавками и иголками. – Я не люблю выкладывать его фотографии, – продолжаю я, выдвигая свой стул, чтобы включить чайник. Огонек на нем загорается синим, и я смотрю на него, отвернувшись от Эйд.

– Но раньше ты так делала, – не унимается она. – Взгляни на эту. Она такая милая.

Не в силах воспротивиться, я поворачиваюсь и иду к ее столу. На ее экране – наша фотография, сделанная на Хеллоуин. Мы покрыты фальшивой кровью и сжимаем в руках пластиковые кинжалы. Я соорудила нам костюмы, скре-

пив степлером развернутые коробки из-под хлопьев, и когда влезла в свой с криком: «Мы – серийные убийцы!»², Гарри скатился с дивана от смеха.

– Это была веселая ночь, – киваю я. – Мы любим Хеллоуин.

Я всегда покупаю сладости для мальчишек, ходящих по домам с воплями «Сладость или гадость!», и строго инструктирую Гарри не сжирать их по крайней мере до 3 ноября, когда он радостно набрасывается на оставшиеся пакетики, потому что я всегда покупаю их слишком много. Я придумываю что-то новенькое каждый год – как нам одеться и как заставить себя выйти на улицу, даже если этот день выпадает на понедельник.

Я впитала эту любовь к традициям от мамы, которая всегда старалась обеспечить мне «нормальное детство», так как мы жили вдвоем: папа ушел, когда мне было пять. Верити приходила на Хеллоуин, и мы наперегонки ловили ртом падающие яблоки в мойке для посуды, а в Ночь костров³ ели печенную картошку в мундире с соусом чили, прежде чем отправиться на местную футбольную площадку смотреть, как небо взрываетя фейерверками.

Я бросаю взгляд на календарь, висящий на стене. На кар-

---

² В оригинале здесь игра слов. Слова cereal – «хлопья» и serial – «серийные» звучат похоже.

³ Ночь Гая Фокса (5 ноября) в Великобритании, праздник в честь раскрытия Порохового договора в 1605 году.

тинке – неоново-пурпурный с розовым фейерверк, вспыхивающий над городом: «Ноябрь». Я не могу точно вспомнить, когда сезон начал сменяться, когда листья на деревьях стали оранжевыми.

– А как вы одевались на Хеллоуин в этом году? Возможно, нам еще не поздно опубликовать снимки, – спрашивает Эйд, выводя меня из оцепенения. Я стараюсь вспомнить тот день.

– Эээ, хмм… – Я возвращаюсь мыслями к календарной картинке месячной давности. – Тыквами. Но думаю, что теперь уже все равно слишком поздно, и я, гм, выглядела толстой на всех фото.

Она смеется переливчатым смехом. Как будто звенит маленький колокольчик.

– Ты была одета в тыкву, разве не этого ты хотела добиться?

– Да, но я думала, что получится мило… только не получилось. Верити так хохотала, когда меня увидела.

Эйд качает головой и начинает что-то печатать, а я подхожу к тускло-розовым креслам. Они расположены у окна, выходящего на шумную улицу внизу, где компании студентов в ярких вязаных шапочках бродят по тротуару, сжимая в руках стаканчики с кофе. Я ковыряю свой облупившийся лак на ногте, подцепляю его с краю и удовлетворенно снимаю целиком одной блестящей темно-бордовой полоской.

– Забавно, – говорит Эйд, продолжая печатать. – Я видела Верити спустя какое-то время после Хеллоуина. Она сказа-

ла, что этот прошел тихо.

Внезапно мне в ухо кто-то словно закаچивает туман, и этот туман заполняет мой мозг, спускаясь дальше, вниз, к рукам и ногам. Я ничего не чувствую, не слышу привычных звуков – болтовни с улицы и гудков автомобильных клаксонов. Кресло, в котором я сижу, мягкое на ощупь, но кажется холодным. Я оборачиваюсь к Эйд, ее пальцы печатают что-то будто в замедленной съемке. Все, о чем я могу думать, это: Верити, Верити. Зачем она виделась с Верити?

Я делаю глубокий вдох. Я хочу контролировать тон своего голоса и не позволять этому чувству внутри вырваться наружу. Я сглатываю, и кажется, что сейчас меня стошнит.

– Когда, на прошлой неделе? Зачем ты встречалась с Верити?

Это провал. Я каркаю, как ворона.

Эйд прекращает печатать, ее руки зависают в воздухе. Она берет свой телефон, тычет в него пальцем, смотрит на экран.

– Да без всякой причины, – бормочет она. – Она пригласила меня выпить, вот и все.

В этом вся Верити. Она дружит с людьми заблудшими и неприкаянными, о которых беспокоится. Мы договариваемся встретиться, чтобы выпить, а Верити притаскивает с собой пустоглазую модель с накачанными губами, которая будет сидеть и таращиться в свой бокал вина, но не прикоснется к нему. «Она отказалась от еды на съемках, – шепчет мне

Верити, – и я беспокоюсь о ней. Я должна была ее пригласить».

Эйд – новичок в Шеффилде. У нее здесь не так уж много друзей. Верити, должно быть, просто решила проявить о ней заботу. Я пытаюсь рассуждать сама с собой, мыслить практически, но тот притупляющий чувства туман развеялся, и теперь я вся на нервах – ломаю голову, что именно Верити могла ей сказать, что они обсуждали.

– И о чем вы говорили?

Эйд все еще смотрит в свой телефон, и ее большой палец быстро мелькает, будто она прокручивает картинки.

– Да ни о чем. – Она слегка встряхивает головой, едва заметно. – Мы вспоминали некоторых прежних знакомых из Лондона, и все.

– Кого?

– Никого особо важного. – При этих словах ее голос немного срывается. Эйд снимает с запястья связку тонких браслетов и со стуком кладет их на стол. И вдруг становится похожей на сдувшийся воздушный шарик.

– Эйд, ты в порядке? Ты что такая странная?

Она резко вскидывает голову. И возвращается прежняя Эйд, снова наполненная воздухом.

– Это не я странная, а ты. – Она снижает голос до шепота, который я едва могу расслышать. – Верити сказала, что ты такой бываешь.

– Такой – это какой, Эйд? – И затем я вздыхаю. Мне не

нравится настроение, повисшее в воздухе, – оно напоминает сердито потрескивающее радио без сигнала. Ценность Эйд – в легкости, она как бездумная поп-песня. Нельзя позволить ей превратиться в очередную мутную, запутанную проблему в моей жизни.

– Давай сменим тему, – предлагаю я. – Оставь «Инстаграм» в покое на сегодня.

– Хорошо, – кивает она. – Но когда-нибудь мы должны им заняться, это так же важно, как и все остальное. – Эйд переключается на следующую вкладку в браузере. – Ах, да! Я считаю, что тебе надо заполучить в клиенты кого-то из знаменитостей. Кого-то, кто может рассказать о тебе в интервью. Это помогло бы твоему бизнесу попасть в газеты.

Мы начинаем болтать о том, кто из звезд одинок, а кто нет, и мне удается отвлечь Эйд, несколькими замечаниями переведя разговор на то, кто кому изменяет. Затем наступает пауза. И я решаю воспользоваться моментом.

– Мне сегодня все равно еще надо перебрать кучу анкет, Эйд, не желаешь уйти домой пораньше? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал легко.

Я задерживаю дыхание. Но она тянется к ноутбуку:

– Ты шутишь, да? Мы же еще не решили, к кому из знаменитостей подкатить и какие фотографии Гарри опубликовать.

– Маленькое «но», – замечаю я. – Если мы вообще решим публиковать фотографии Гарри.

Эйд удивленно на меня таращится. Цок-цок – каблуками к окну.

– Я думаю, нам стоит сделать фотосессию, – говорит она. – Может, в том скейт-парке, дальше по дороге? Это было бы очень круто. Атмосфера Настоящей Романтики с большой буквы. Будет здорово использовать некоторые из снимков для актуальных объявлений и рекламных постеров.

– Нет! – Это слово вылетает само. Я машинально зажимаю ладонью рот. Но Эйд, похоже, ничего не заметила. Она выспрашивает, может ли Верити по-дружески сделать мне укладку, есть ли у нее знакомый визажист, а я просто сижу, пытаясь собраться с мыслями. Мой счастливый колокольчик лежит на столе – маленькая медная вещица, кажущаяся такой хрупкой. «Динь-динь-динь!» – его звон останавливает стремительный бег мыслей Эйд.

– Мне только что пришла в голову идея! – говорю я. – Морвена Стар! Она бы идеально подошла в качестве клиентки. Я имею в виду, она живет здесь, в Шеффилде.

Я выпаливаю это, пытаясь перевести Эйд на другие рельсы. Однако сейчас она неуправляема.

– Ага, ага, – произносит она, взмахивая рукой. – Ты начинай заниматься этим, а я позабочусь обо всем остальном. Нужно переделать дизайн твоего сайта, я знаю одного парня-специалиста. И просто дай мне пароли, а я возьму на себя «Инстаграм».

Мысленно я пытаюсь практиковаться в магии. «Нет, Эйд,

я не хочу, чтобы ты это делала», – твержу я в голове, как заклинание. Но она прет, как танк, задает всякие вопросы о Гарри. Ей не нужно знать о нем ничего – кроме того, что он стесняется камеры.

– Ты что-то притихла, – морщит она лоб. – Ладно, хорошо, может, и не стоит устраивать эту фотосессию. Наверно, меня занесло куда-то не туда.

– Спасибо, – я перевожу дух. – Ты же меня знаешь, просто все эти маркетинговые штучки немного чересчур. Я лишь хочу знакомить людей, вот и все.

– Тогда позволь мне сделать это, дай мне все, что нужно, и я сделаю. Я даже сама поговорю с Гарри, объясню ему, как это важно.

– Желаю тебе удачи, – бормочу я, начиная обдирать лак с другого ногтя. Эйд подходит и хлопает меня по руке.

– Прекрати, – ворчит она. – Тебе нужно сделать новый маникюр, тут есть салон дальше по улице.

– Я знаю...

– Но у тебя никогда нет времени, – заканчивает она за меня, пытаясь подражать моему акценту. Скрещенный с ее южно-лондонским говором, он звучит почти по-австралийски. Мы хихикаем в унисон.

– Слушай, я хочу, чтобы ты обратила внимание на эту сферу, хотя бы немного, – говорит она. – Ты теряешь подписчиков каждый день, и я смотрела количество заявок. Пока оно нормальное, но тоже падает...

- Мы получили сорок заявок этим утром!
- После твоей свадьбы их количество исчислялось сотнями в неделю.

Мы поженились в Зимнем саду. В огромной оранжерее с деревянным каркасом и дугообразным верхом, прямо в центре города. Это всегда считалось укромным райским уголком, с высокими вечно-зелеными пальмами и густыми растениями, взирающими по балкам. Гарри устроил все так, чтобы выпустили бабочек, как только мы начнем произносить наши клятвы. Они закружились вокруг нас. Усаживались на наши носы, пока мы говорили. Устраивались на моих волосах, словно яркие украшения из драгоценных камней, и оставались там, трепеща крыльями, пока мы пели нашу собственную версию свадебного гимна – диснеевские песни, которые вызывали смех у окружающих, когда мы отчаянно пытались вспомнить слова. Весь день сохранялось такое ощущение, будто мы попали в мультфильм, и по пейзажу вокруг нельзя было сказать, что мы находимся в центре холодного, серого города. Казалось, что мы на тропическом острове. Но меня занимали не пейзажи, а то, как Гарри смотрел на меня. Как будто я была сверкающим алмазом, чем-то бесценным, что нужно беречь.

Наш фотограф отоспал снимки в пару свадебных блогов, и один из них, «Красивые свадьбы», сделал пост о нас. А затем это перепечатали в газетах – в «Бэзз Фид», в «Инди-пендент», и даже «Гардиан» опубликовала заметку о том, на-

сколько идеальным оказался день нашей свадьбы. Количества заявок от моих потенциальных клиентов резко взлетело – все хотели иметь дело со свахой, у которой была такая красивая свадьба.

– Нам нужно немного свадебной магии, – говорит Эйд. – Иначе эти цифры продолжат падать.

– Послушай, неужели нельзя использовать что-то еще? Как насчет снимков Верити и Джереми? Они стали моей первой парой, мы могли бы увеличить их фотографии.

– Ага, они вполне подходят. – Она открывает какие-то странные диаграммы, когда наклоняется к компьютеру. – Но только не так хорошо, как вы с Гарри. – Эйд вздыхает. Поддвигает свой стул ближе к моему. – Смотри, как это работает. Зачем, ты думаешь, люди к тебе обращаются?

Я думаю обо всех своих клиентах. О Томе, который одевается в грубую, драную рокерскую одежду, демонстрирует свои татуировки и пирсинг – и при этом хочет, чтобы кто-то лежал рядом, свернувшись калачиком, раздетый догола и беззащитный, и шепотом рассказывал, как прошел день. Или об Элайдже, со всеми его дерзкими выпадами и щелканьем пальцами, и как он втайне ищет кого-то, кто сможет удачно подхватить его шутку.

– Ну, это просто. Они хотят любви. А я хорошо умею ее для них находить.

Эйд демонстративно закатывает глаза.

– Да брось, неужели ты всерьез так думаешь? Тебе пишут,

потому что хотят того же, что есть у тебя – великолепного мужа, прекрасную свадьбу. Вот что ты продаешь.

Я и не думала, что рекламирую именно это. Свою жизнь. Своего мужа. Я знаю, что, когда упоминаю его имя в разговоре с клиентками вроде Елены и даю понять, какой он замечательный, – это их успокаивает и придает уверенности, но обращаются они за другим. Или мне так кажется? Я видела на днях парочку – оба в оранжевых флисовых куртках «Норт Фейс», в руках длинные палки – я не знаю, что это были за палки. Какие-то альпинистские штуки? Что-то для игры в Квиддич? Но это не важно. Главное, они нашли друг друга и вместе отправились делать то, что им нравится. Вот что, по моему мнению, я продаю: помогаю людям найти тот кусочек головоломки, который отложен специально для них. Но как мне объяснить это Эйд? Этой зацикленной на цифрах создательнице красивых картинок?

Я хочу закрыть глаза. Заполнить свою налоговую декларацию. Прибраться в ванной комнате. Все, что угодно, лишь бы закончить эту беседу.

– Но ведь бизнес на плаву, не так ли? – Я прищуриваюсь, пытаясь разобраться в цифрах и диаграммах на экране. – Это крошечные потери, ничего страшного.

– Если все продолжится в том же духе, они станут больше, клиент за клиентом.

Я думаю о нашем «стартовом» вечере, о том, как Гарри сжал мое плечо, когда все начали приезжать, и прошептал:

«Превосходное начало». В речи, которую он произнес по бумажке, постоянно откашливаясь и раскачиваясь взад-вперед, говорилось, как он мной гордится. И я действительно не хочу, чтобы все это оказалось напрасно.

— Ладно, — произношу я. — Я сброшу тебе по электронке всякие логины-пароли. Но пожалуйста, Эйд, сведи посты о Гарри к минимуму.

— Хорошо, — кивает она. — По крайней мере до тех пор, пока я с ним не поговорю. И ты сможешь сама отобрать фотографии. А я просто сделаю к ним подписи и выложу в правильное время. Все это удержит тебя от публикаций картинок с безалкогольными коктейлями и прочим скучным дерзмом, я надеюсь.

Уж лучше выкладывать скучные вещи, чем Гарри, думаю я. Но сохраняю видимое спокойствие, начиная просматривать некоторые анкеты. Эйд пристально смотрит на меня, как будто чего-то ждет. Я поднимаю взгляд, только когда она щелкает пальцами:

— Кэйтлин!

— Чего?

— Отправь мне какие-нибудь снимки, будь добра. И контактную информацию Гарри.

Мое сердце начинает рваться из груди. Эйд подходит и выдергивает листок с анкетой из моей руки.

— Номер Гарри, давай. Я хочу поскорее приступить. Мне скучно, — ноет она.

Так, она не отвяжется. Я протягиваю руку, хватаю розовый стикер и пишу его номер – но в последней цифре ставлю восьмерку вместо семерки.

– Вот, держи, – говорю я. – Но возможно, ждать ответа тебе придется несколько дней. В стоматологии сейчас горячие дни.

– Думаю, он найдет время ответить на сообщение, касающееся его жены, – замечает она, а я рву несколько других стикеров на мелкие кусочки. Потом заставляю себя улыбнуться.

– Будем надеяться, что так, – откликаюсь я.

Глава 5

Когда Гарри в первый раз угощал меня, он устроил пикник прямо на полу. Это было, когда я еще жила с Верити, и он вошел, размахивая десяткой для нее. «Счет 10:0 в мою пользу, Верити», – сказал он, и она встала, вскинув руки в притворном протесте: «Хорошо-хорошо, я поняла намек».

Затем Гарри отправил меня в мою спальню на пять минут, а когда я вернулась, он уже разложил на полу одеяло и разбросал по нему подушки. Вокруг были расставлены металлические фонари, сквозь которые мерцал свет свечей, отбрасывая на стены золотистые оттиски звезд с фонарных стекол. Серые струйки дыма змеились в воздухе, издавая аромат благовоний, дурманящий и сильный. Это одеяло в желто-красную клетку мы обычно использовали только для барбекю в парке и, несмотря на благовония, я все равно чувствовала застарелый запах сидра и сигаретного дыма, впитавшийся в него.

Гарри подложил мне под спину подушки и начал вытаскивать из своего рюкзака контейнеры с едой. Он осторожно расставлял их на одеяле, оттягивая крышки, чтобы показать содержимое: кус-кус, утыканный изюмом; тушеную по-маррокански курицу с апельсинами; кусочки феты, перемешанные с крупной фасолью. «Как вам нравится отпуск в Марокко, мэм?» – улыбнулся он, и я подыграла, ответив: «Сегодня

я встретила просто невероятного верблюда, у него были самые шишковатые колени, которые я только видела». Некоторое время мы развивали эту тему, осознавая, как мало мы в действительности знаем о Марокко. «Мы как-нибудь съездим», – пообещал Гарри, и мне это понравилось – это было всего третье наше свидание, но его слова стали признаком, что я нравлюсь ему так же сильно, как и он мне.

Потом он велел мне закрыть глаза. Я подумала, что он хочет меня поцеловать, но вместо этого Гарри вручил мне ложку. «Спорим, что ты не сможешь угадать секретный ингредиент», – сказал он. И даже теперь, если хорошо постараюсь, я могу вспомнить тот вкус изюма на языке. И его неожиданный поцелуй, который наконец последовал, когда я пыталась угадать, какие травы присутствуют в тарелке.

С тех пор мы в эту игру и играем. Даже если это что-то простое, вроде макарон с сыром, мы устраиваем из этого шоу, дразня друг друга и притворяясь, что распробовали нечто необычное, например, редкий трюфель или дорогой голубой сыр.

Я только что добавила столовую ложку соуса-барбекю в болоньезе. Элтон Джон завывает по радио, а я подпеваю, помешивая соус. Когда я обычно готовлю это блюдо, то просто складываю все в глубокую сковороду и оставляю бурлить само по себе, глядя повторы «Друзей» по телику. Но сегодня вечером я все делаю правильно: режу помидоры тонко и точно, добавляю красное вино и даю закипеть на медлен-

ном огне. Я вбиваю в овсянку сливочное масло, посматривая одним глазом на болоньезе и на тушеные яблоки, булькающие на соседней сковороде. Крошеный пирог отправится в духовку, пока мы будем есть спагетти. Это самый любимый пудинг Гарри, особенно поданный с заварным кремом, таким густым, что в нем стоит ложка.

Пыль слетает со скатерти, когда я встряхиваю ее перед тем, как накрыть ею маленький круглый стол в углу нашей кухни. Эта скатерть в красно-желтую клетку – подарок от Гарри, сделанный в первые недели нашей совместной жизни, как напоминание о счастливом пикнике на полу. Я сразу же развернула подарок и застелила им стол, уверенная, что в тот вечер у нас будет кус-кус с изюмом к чаю.

Я достаю толстостенные миски из белого фарфора и медные столовые приборы, которые нам подарили на свадьбу – и которые я храню в отдельном шкафчике от нашей повседневной посуды, – а затем зажигаю свечу. Сперва она сильно мерцает и потрескивает, прежде чем разгореться как следует, распространяя по комнате аромат белой сирени.

Гарри всегда держит вилку слева, и я проверяю, что разложила все в правильном порядке, прежде чем налить для него бокал красного. Я спрашивала консультанта в винном магазине, какое получше. «Особый случай?» – поинтересовался тот, и я ответила: «Нет, не совсем, но мой муж работал по-настоящему тяжело в последнее время, и я решила его побаловать». Мне было приятно так говорить – то, как слово

«муж» звучит у меня на языке.

Я сажусь, наливаю себе бокал белого и смотрю в окно на черный вечер. Снаружи просачивается тьма. Я вздрагиваю всем телом. И думаю о том, что услышала от Эйд ранее – как я продаю свою жизнь. Я смотрю на часы: уже пятнадцать минут восьмого. Обычно в такое время он уже дома.

– Неужели люди действительно хотят этого? – говорю я в холодный воздух.

На кухню неторопливо входит Кот и надменно смотрит на меня. Он наше спасение, которое мы обрели несколько лет назад, и несмотря на многочисленные попытки дать ему имя, прилипло просто «Кот». У меня урчит в животе, и эти звуки разносятся по кухне. Кот запрыгивает мне на колени, тычется головой в руку с вилкой.

– Ты прав, Кот, пора начинать.

Я заранее выключила радио – Гарри не любитель музыки за столом, но теперь мне хочется вскочить и снова включить. Однако оно на кухонной стойке, а Кот уже замурлыкал. Я чувствую, как вибрируют его бока. И не хочу его беспокоить.

– Так-так, здесь, видимо, помидоры, – говорю я, обращаясь к стене. Я ежеминутно прислушиваюсь к двери, в надежде услышать шелест его велосипедных шин, когда он затормозит у порога. Можно пока начать игру. – И фарш, но вот соевый или настоящий?

Кот мяукает, когда я начинаю чесать его за ухом свободной рукой.

– Да, ты прав, Кот, это фальшивый фарш.

Я продолжаю игру, разговаривая с воздухом, потому что тишина меня душит. Кот не возражает. Он лежит, свернувшись на моих коленях, и бьет меня лапой по руке, когда я перестаю его гладить.

– Базилик, – продолжаю я. – Свежие помидоры. Масла, наверно, многовато, но ты же меня знаешь – никогда не могу вовремя остановиться.

Я не спешу, намеренно пережевываю каждую порцию раз пятьдесят, прежде чем высказать очередную догадку. Все ингредиенты очевидны, так мы всегда и начинали угадывать, основываясь не столько на вкусе, сколько на информации – что лук всегда присутствует в соусах, что мы знаем, какой формы макароны, и так далее. Я воздерживаюсь от того, чтобы сказать: «соус-барбекю». Это я приберегаю для Гарри, чтобы поставить перед ним задачу посложней. Я представляю его на работе, ворчащим, потому что его секретарша Кимберли записала кого-то на прием в последнюю минуту. Она постоянно так делает. Она просто недостаточно строга с пациентами.

– Он сейчас чья-то зубная фея, – сообщаю я Коту и возобновляю игру, перечисляя каждый ингредиент и даже не забывая упомянуть: «Соль!» – после вдумчивого пережевывания.

Но дверь по-прежнему остается закрытой, а воздух в доме неподвижным, как и раньше, когда я пританцовывала, под-

певая радио и стараясь не смотреть на пустое место там, где обычно стоит его велосипед. Я закрываю глаза, представляя картину, которую увижу, когда открою их вновь: Гарри в черной лайкре, его дурацкие велосипедные туфли с креплениями для контактных педалей щелкают по деревянным поло-вицам, когда он подходит меня поцеловать. Я не стану орать на него или отчитывать за то, что он не написал мне.

Он просто сядет за стол, его макароны будут греться в микроволновке, а я расскажу про свой день. Это все, чего я действительно хочу, – немного скучные разговоры с мужем о том, как у кого прошел день.

Я открываю глаза. Его там нет.

От такой еды, тяжелой, плотной и умиротворяющей, по идеи я должна бы повалиться в постель и уснуть. Бокал вина в этом обычно тоже помогает, но я уже наполовину осушила второй, а сна ни в одном глазу. Алкоголь, бегущий по венам, держит меня во взвинченном состоянии, а нервная дрожь напоминает о прошлом разе, когда Кимберли записала позднего пациента. В тот вечер я жарила курицу – и в итоге оставила ее без присмотра слишком надолго, так что когда Гарри наконец вернулся домой, выяснилось, что она пригорела. О, как мы кричали друг на друга в тот вечер!

Мама растила меня одна и пыталась втолковать, что никогда не стоит сидеть клушей в ожидании мужчины. Она так и не позволяет мне познакомить ее с кем-то, даже теперь, спустя десятилетия после ухода отца. «Я тебе не какая-то дол-

баная степфордская жена!» – крикнула я, и Гарри заорал в ответ: «Даже когда я дома, ты все равно постоянно зависаешь в своем чертовом телефоне!»

Вот почему сегодня, как только наступил вечер, я унесла телефон наверх и поставила на зарядку. Я знаю, что в противном случае сидела бы за ужином, выискивая фотографии для Эйд – те, которые я одобрю, прежде чем она сама начнет таскать их с «Фейсбука». Или же я прочесывала бы «Фейсбук» Морвены в поисках каких-то зацепок. Я твердо решила привлечь ее в качестве клиентки и знаю, что могу это сделать, вот только пока не представляю, как.

Я смотрю на тарелку Гарри, на застывший соус, на слипшиеся спагетти. И сталкиваю Кота, признавая свое поражение. Я копаюсь в буфете, высматривая красную крышку ланч-бокса, в котором Гарри обычно носит бутерброды. Конейнер затиснут где-то сзади, и на нем следы чего-то липкого и неопознанного, которые мне приходится смыть, прежде чем опрокинуть в него содержимое нетронутой тарелки. Затем я подхожу к столу, беру бутылку красного вина, предназначавшегося для Гарри, и выливаю в раковину, наблюдая, как темная жидкость, похожая на кровь, кружится в сливном отверстии. Я выключаю духовку: пирог лежит внутри, весь черный и обгорелый до хрустящей угольной корки.

Глава 6

У меня такое чувство, будто всю мою кровь заменили цементным раствором, пока я медленно волочу ноги – левую, затем правую, затем снова левую – сквозь морозный утренний воздух в спортзал. Я не была тут уже несколько месяцев и ощущаю себя совершенно дезориентированной, смущенно спрашивая обесцвеченную до белизны девушку-тренера у стойки регистрации, где находятся раздевалки.

«Я буду ходить регулярно, – сказала я Гарри, когда сюда записалась. – Курсы йоги ведут чуть ли не лучшие инструкторы в стране!» Когда муж спросил, с чего я это взяла, и я призналась, что прочитала в ленте у Морвены Стар, он не мог в это поверить.

«Ты готова раскошелиться на восемьдесят фунтов в месяц за абонемент просто потому, что так сказала эта девица?» – раздраженно бросил он.

Тогда я лишь пожала плечами, уверенная, что докажу его неправоту, став королевой фитнеса – заправской любительницей йоги, потягивающей овощной сок.

Я не сообразила, что нужно застолбить место заранее, и сегодня зал йоги переполнен – лиловый свет отражается от тел, лежащих на спине и кажущихся совершенно одинаковыми.

Когда я записывалась, то была уверена, что к лету обза-

ведусь плоским животиком. Но работа так утомляла, что по утром я с трудом выбиралась из постели, согретой теплом Гарри. И когда подошло время нашего отпуска, я была очень зла на себя, упаковывая в чемодан все те же старые закрытые купальники и парео, что и в прошлом году.

Сейчас я чувствую свой живот, и он такой плоский, что кажется вогнутым. Я перестала тянуть в рот что попало и глотать почти не жуя все куски, которые находятся в холодильнике, если внезапно проголодаюсь. Теперь я избавилась от жировой прослойки и легко встала с кровати сегодня утром.

На моем телефоне, прислоненном к дисплею беговой дорожки, вспыхивает сообщение от Эйд: «Почему ты до сих пор не прислала мне фотографии?» Я притормаживаю, печатая ответ: «Еще не было возможности спросить Гарри. Опубликуй пока эту». Затем я прикрепляю снимок Верити и Джереми с прошлогоднего музыкального фестиваля, где их лица покрыты золотистыми блестками. Далее пишу: «План по Морвене Стар в действии!:)» А потом выключаю телефон.

Я увеличиваю сопротивление дорожки до тех пор, пока не начинаю шагать под таким крутым углом, что кажется, будто ноги пробираются сквозь патоку. И понимаю, терзая подошвами резиновую ленту под собой, что начинаю злиться. Зачем нужно втягивать во все Гарри? Это только мое дело: я та, кто просыпается в шесть утра большую часть недели; та, кто ищет подход к инвесторам и рассыпает электронные

письма в местную прессу с описанием самых необычных и романтических свиданий, организованных мной. Просто из-за того, что Гарри хорошо получается на фотографиях? Разве это значит, что он непременно должен быть краеугольным камнем всей затеи с ребрингом? «Ты внушаешь людям идею, — однажды сказала мне мама, — что они обязательно должны найти свою вторую половинку, но это просто вздор! Я вот цельная, я люблю быть сама по себе». И мне пришлось задвинуть кипу заявок, лежащих на полу возле моих ног, под диван: это все были анкеты мужчин маминого возраста, с которыми я очень хотела ее познакомить.

Я поговорю с Эйд, скажу, что ее новый план отдает сексизмом и ей следует подумать о чем-то другом. Уделить основное внимание другим парам, моим предыдущим клиентам, вот и все. Я скажу ей об этом завтра. Но сейчас мне нужно успокоиться. Кровь стучит в ушах, и мне необходимо достичь дзена, чтобы мой план сработал.

Вблизи ее кожа выглядит не такой сияющей, как на фото, линия подбородка менее четкая, а задница в обтягивающих

красных легинсах не совсем похожа на персик. Она выглядит – осознаю я, следя за ней вниз в раздевалки, – как среднестатистическая популярная девочка в школе. Типаж, который ты идеализируешь в подростковом возрасте, кому отчаянно хочешь подражать, но потом, позднее в жизни, видишь старую фотографию и понимаешь, что в ней ничего особенного нет – это был просто статус, заставлявший ее блестеть.

Я ускоряю шаг. Обгоняю идущих более медленно, так что теперь я почти вровень с Морвеной. Я опускаю голову, как будто смотрю что-то в телефоне. Женщины распахивают двери и входят в разделенные деревянными шкафчиками раздевалки. Морвена направляется к средней, и я отклоняюсь в сторону, совсем чуть-чуть, задевая ее плечом.

– Упс! Бога ради, извините! – говорю я, одновременно разжимая ладонь и выпуская горсть камней на пол. – Ах! Мои кристаллы!

Я присаживаюсь на корточки и начинаю собирать их: один нежно-розовый, другой – отливающий перламутром гладкий белый шарик, третий – такой блестящий и черный, что напоминает солидол. Они действительно выглядят прекрасно и почти заставляют меня поверить в те круто меняющие жизнь свойства, которые, как утверждает Морвена, у них есть.

– Ваш розовый кварц, – наклоняется она ко мне, протягивая один из моих камушков.

– Это для л…

– Для любви! У меня есть такой же! – Она лезет в карман

своей серой толстовки и достает оттуда почти идентичный камень. – Вот, глядите! Вы, стало быть, тоже одиноки?

Она разговаривает тем же голосом ведущей детской передачи, что и обычно на своем канале, – беспощадно задорным и скрипучим, и с ее лица не сходит маниакальная улыбка.

«Человек-кокаин, – думаю я, – ты какой-то человек-кокайн».

– Вообще-то замужем, но я сваха, так что это важно. Чтобы постоянно сохранять вокруг себя любовные флюиды...

Я писала домашнюю заготовку для этой беседы посреди ночи, и оранжевые уличные фонари заменяли мне настольную лампу, когда я набрасывала в ежедневнике примерные фразы. Тогда они казались естественными, но сейчас звучат как-то вычурно и нелепо.

– У меня и опал есть, ну знаете, для поддержки состояния вдохновения, и обсидиан – это чтобы придать мне сегодня сил в тренажерном зале... – продолжаю я.

– О, их я тоже люблю! Опал – он вроде как восстанавливает вашу ауру, и... – Морвена прерывается, а затем издает смешок, легкий, как дуновение. – Это так мило, что выносите с собой кристалл, который помогает вам в работе!

Я ничего не говорю, стараясь, чтобы в воздухе повисла пауза, и надеясь, что Морвена заполнит тишину. Задаст больше вопросов о том, чем я занимаюсь.

– Но в любом случае, сейчас пора в душ – увидимся позже,

ЭЭЭ...

— Кэйтлин.

Она поворачивается на пятках, едва не хлестнув меня по лицу «конским хвостом». Я могла бы поплестишь домой, но у них тут есть «тропический душ» и хороший выбор гелей класса люкс. Я хватаю свое пушистое белое полотенце и босиком иду к душевым. Все остальные в шлепанцах, некоторые даже прихватили из дома собственные халаты.

Когда я возвращаюсь с туго завязанным тюрбаном на волосах, Морвена сидит на скамейке, куда я бросила свой рюкзак. Она в совершенно новом спортивном костюме, при полном макияже — отмытая до скрипа и посвежевшая версия человека, которого я видела полчаса назад. Как будто снова готова зайти в зал и все повторить.

— Я тут! — помахивает она мне рукой.

— Ага, вижу. — Я все еще в полотенце. Топчусь на месте, не зная, что предпринять. Остальные вокруг нас не стесняются наготы — одна из женщин изворачивается назад, чтобы втереть густой белый лосьон в свои голые ягодицы. Они дерзкие и упругие — ее задница словно улыбается мне. От быстрой потери веса моя собственная задница обвисла и смотрится грустной и печальной.

Я начинаю очень медленно вытаскивать из шкафчика свою одежду: черные «Конверсы», черные джинсы, черную водолазку. Я аккуратно складываю все это на скамейке рядом с Морвеной. Затем достаю косметику: мусс для волос,

тональный крем, тушь, дезодорант – и расставляю на полочке рядом с зеркалом. Морвена наблюдает за мной. Я почти ощущаю, как она пытается вытолкнуть изо рта слова.

– Вы... – Она сглатывает. – Вы сказали, что работаете свахой? Вроде как... подбираете людям пару?

– Да, я понимаю, это кажется странной профессией – но в последние несколько лет это выросло в собственный бизнес, «Кэйтлин и Купидон».

Морвена смотрит на свои руки. Вытягивает безымянный палец и потирает то место, где положено находиться кольцу.

– И как, хорошо получается?

– У многих пар уже дети, кто-то помолвлен. Я как Сцилла, – говорю я, наблюдая за выражением ее лица – уловит ли она аналогию. Но она не улавливает. – Постоянно покупаю шляпки⁴.

Она покручивает на запястье амулет с золотым единорогом.

– Откуда вы знаете, кто подходит друг другу? Что это именно то, что нужно? Когда я выбираю сама, то в итоге всегда остаюсь у разбитого корыта... – Морвена пытается усмехнуться, но смех звучит сдавленно, и она быстро вскидывает руку к горлу.

Я сажусь рядом с ней, стаскивая тюрбан из полотенца с

---

⁴ Сцилла Блэк – ведущая многолетнего популярного телешоу «Свидание вслепую», часто шутившая, что всегда покупает новую шляпку, когда из участников образуется подходящая пара.

ГОЛОВЫ.

– Инстинктивно, я полагаю. У меня есть такая фишка – чувство, похожее на толчок в животе. Я научилась ощущать это с годами.

– Как экстрасенс?

Нет, хочу я сказать. Не как экстрасенс. Экстрасенсы – это чушь собачья, и они дурачат несчастных расстроенных людей, высасывая из них деньги, пока вешают им на уши лапшу, взятую из самых темных глубин своего воображения. Но я знаю, что она хочет услышать, поэтому киваю.

– Немногое похоже, думаю. Впервые я ощутила это со своим мужем, Гарри. Мы увидели друг друга возле магазина, и я сразу поняла, что он особенный. Я думала, что это случайность, но затем почувствовала подобное снова – с мужчиной для моей лучшей подруги, Верити.

– Ого, и вы по-прежнему замужем за ним? И ваша лучшая подруга все еще с тем парнем?

Я помню свои домашние заготовки:

– И я – да, и она – да… – Я достаю свой телефон с фотографией Кота на заставке и прокручиваю галерею назад, далеко назад, чтобы отыскать несколько наших с Гарри удачных снимков. Нахожу тот, на котором мы делаем ремонт. Я надела комбинезон, потому что именно так представляла этот момент: косички, пятна краски на наших носах и джинсовые комбинезоны. Я держу кисточку и ухмыляюсь. В итоге же я начала красить в нижнем белье – грязноватых бежевых тру-

сах и спортивном лифчике, потому что комбинезон слишком стеснял движения, и день закончился склерой, когда я заляпала краской наши новые полы.

– Вот он.

Морвена выхватывает телефон у меня из рук.

– Ух ты, он прекрасен! Какие великолепные зубы.

– Он дантист, так что у него должны быть отличные зубы.

Никогда не думала, что свяжусь с дантистом, но что вышло, то вышло. Мой любимый типаж мужчин всегда был другим – сверхтворческим. Аристы, художники… У вас есть свой типаж?

– Ничего особенного, но я хотела бы быть вместе с кем-то добрым, кто мне доверяет, работающим, и чтобы ухаживал за собой…

– Вы имеете в виду кубики на животе?

Опять это сдавленное хихиканье:

– Возможно, но в этом ведь нет ничего плохого.

«Чтобы ухаживал за собой» – это частый запрос от моих клиенток. Я ненавижу такое. Это хитрый способ сказать «сексуальный» и не показаться чересчур легкомысленной. Я стараюсь не обращать на это внимания; хотя другие свахи делают то, о чем их просят, подбирая пары только по внешним данным. Но я хочу, чтобы мои пары прожили вместе до старости.

– Конечно, нет, однако я работаю с любовью, а не с похотью, – поясняю я. – Это прозвучит напыщенно, но я хотела

бы найти подходящую душу для вас, а не правильное тело.

– О, – произносит Морвена, поднимаясь с лавки. – Я спрашивала чисто гипотетически. – Она приглаживает свой «конский хвост». – Мне не нужно помогать найти парня. Но в любом случае, мне пора. У меня фотосессия, – гордо вздергивает она подбородок, – и мне нужно туда успеть.

И вот так просто она встает и уходит. Я думала, что зацепила ее, а осталась с пустыми руками. Моя миссия не выполнена, я чувствую себя потерявшимся носком, сдувшимся воздушным шариком, и слово «неудачница» будто написано на моем лбу. «У тебя почти получилось», – шепчу я себе, но нет. У меня не получилось ничего.

Глава 7

Я направилась домой сразу после спортзала, желая поскорее забраться обратно в постель и провалиться в сон, чтобы забыть о своем провале. Но тяжелые одеяла давят сверху. Я притащила в нашу спальню запасное одеяло, и их двойной вес ощущается как тяжесть навалившегося на меня человека. Какая-то часть моего сознания говорит, что я могу снова попытаться, что это вовсе не неудача, что Морвена выглядела заинтересованной. Однако основная часть кричит на меня, что я все просрала, что все вышло совсем не так, как я планировала. Я знаю: вероятно, это потому, что я как следует не выспалась. Но не могу побороть воспоминания, налетающие на меня плотно и быстро, как стая саранчи, – о другом разе, когда я строила планы лишь с целью убедиться, что все пойдет в прямо противоположном направлении...

Тогда весь Шеффилд охватило волнение от предстоящей королевской свадьбы. Я помогала соседке Бетти натягивать через улицу красные, белые и синие полотнища и обещала ей, что приготовлю «курицу по-королевски». Я всячески умасливала Билла, живущего через три дома, постучав ему в дверь с соблазнительной горкой лепешек, густо намазанных сливками и джемом, и попытавшись внушить, что принц Гарри и Меган – вполне современная королевская пара и что он не предаст свои убеждения, если заглянет на вечеринку

хотя бы ненадолго. Мама, живущая на окраине города, приехала накануне вечером. Она сперва собиралась оставаться у нас на все выходные, а Билл – с его соломенными волосами и стойкими левыми взглядами – был бы для нее превосходной парой. Хотя она и настаивает, что ей замечательно живется одной, я никогда не прекращаю попыток.

Гарри же пришел от всего этого в раздражение. Первое, что он спросил, проснувшись, – во сколько это обойдется налогоплательщикам? Ворчал по поводу сокращений и премьер-министра, и еще много чего – пока я не сказала, что он сможет обсудить это с Биллом. Мне нужна была всего одна его фотография – с пластиковой короной на кудрях, купленной мною же. Я собиралась ее подписать: «Может, Меган и отхватила себе принца, но я думаю, что мой Гарри даже лучше, не правда ли?» Эта свадьба, когда все Соединенное Королевство прониклось романтическим настроением, – казалась идеальным моментом для рекламы моего бизнеса. Но ни мама, ни Гарри этого не понимали. И даже Верити: внешне она выглядела увлеченной – замерев при виде белого свадебного платья и тиары из белого золота, уткнувшись носом в бокал коктейля «Кир-рояль» в десять утра, – однако я видела, как она закатывала глаза, перешептываясь с Джереми. Я дважды проходила мимо них и слышала, как они возмущаются состоянием Национальной службы здравоохранения. А я просто хотела, чтобы все позабыли о своих проблемах, хотя бы ненадолго, чтобы мы с Гарри нессорились и чтобы мама

не была в этот день одинока. Но мама вскоре уехала, сказав, что она не осел на привязи и предпочитает позагорать в своем саду. К двум часам дня Билл схлестнулся с Бетти, крича, что монархию давно следовало бы упразднить, Верити так напилась, что не могла стоять, Джереми пытался увести ее домой, а я ушла и закрылась в спальне. И когда Гарри туда заглянул, я заявила, что вся эта катастрофа – и даже то, что никто не притронулся к моей «курице по-королевски», – из-за него.

Мой телефон звонил уже три раза, пока я лежу здесь и пытаюсь отогнать воспоминания, как валялась на этой же кровати под звуки смеха и разговоров снаружи и судорожно, истерично плакала, а Гарри просто смотрел на меня, совершенно сбитый с толку. Будто не вполне понимал, что такое с его женой.

Я выпрашиваю одну руку из-под одеял. На экране высвечивается имя Верити.

– Чувихаааа! – орет она. – Мы в пабе, и ты должна прийти!

Я слышу, как она спрашивает у кого-то зажигалку. «Она придет, как ты думаешь?» – доносится из трубки чей-то голос.

– Можно мне прийти в пижаме? – интересуюсь я, пока соображаю, что из одежды не в стирке.

Она смеется, и этот гудящий звук заставляет меня улыбнуться.

— А почему бы и нет? Эй, прихвати пижамку и для меня! Я буду как ты.

— Хорошо, я подойду через пять минут. — Я скатываюсь с кровати и бегу расчесывать волосы: они успели свалиться в тугой колтун, начинаящийся где-то возле шеи. Я собиралась это сделать, но как-то руки не дошли.

Верити вскрикивает, когда видит меня в зеленой парке, наброшенной поверх пижамы.

— О Боже, ты крута! Ты сделала это! Эй, дранкл Джек, она это сделала!

Джек — один из группы местных жителей, которые посещают этот паб так часто, что заработали прозвище «дранклы»⁵.

На столе у Верити уже стоит бутылка белого, так что я просто прошу Джулию подать еще один бокал.

— Рада тебя видеть, Кэйт, — говорит та. — Давненько ты здесь не была. Надеюсь, у тебя все в порядке?

— Все замечательно, — отвечаю я, краснея, и внезапно понимаю, что это было глупое решение — явиться сюда в пижаме. Это производит дурное впечатление. Вернувшись к столу, я протягиваю Верити пакет с пижамой для нее.

— Ты должна переодеться в это немедленно! — шиплю я. — Люди странно на меня смотрят.

— Конечно, мне самой не терпится поскорее. Наливай себе пока. Эйд только что вышла покурить.

---

⁵ Сочетание слов «пьяный» (drunk) и «дядя» (uncle).

– Эйд здесь? – спрашиваю я, но еще до того, как Верити успевает ответить, я вижу ее – разматывающую полосатый шарф вокруг шеи и машущую мне рукой. Она пробирается к нам и шлепает свою сумку на стол. Эйд повсюду ходит с коричневым кожаным саквояжем, который ломится от барахла, но там никогда не найти того, что ей действительно нужно.

Она наливает себе вина, и теперь мы обе наблюдаем, как Верити, шатаясь, направляется в туалет.

– Она заглядывала в офис в поисках тебя, – говорит Эйд, пожимая плечами. – Уболтала меня прервать работу и пойти выпить.

– Ей невозможно отказать. – Я играю с ножкой бокала, пока Эйд копается в сумке. Наконец она вытаскивает телефон.

– Я уже добилась большого прогресса. Взгляни на ленту постов!

А там... в ярких красках и с натянутыми улыбками – вся моя жизнь с Гарри. Вот мы на рассвете в Мексике, квелье после перелета через несколько часовых поясов; вот сидим, забравшись с ногами, на коричнево-цветастом диване в мамином доме; вот стоим, вытянувшись в струнку, с бокалами шампанского в руках на различных свадьбах... Все фотографии взяты из моей ленты в «Фейсбуке». На верхнем снимке, самом последнем, который она опубликовала, – Гарри с пластиковой короной на голове. Тут улыбкой и не пахнет, потому что в аккурат перед тем, как попасть в кадр, он кричал:

«Ну хрен с тобой, раз это для тебя так важно!»

– Эйд, он сойдет с ума, – качаю я головой, пытаясь вернуть хоть немного силы своему голосу. Гарри глядит на меня с фотографии, сверкая глазами. От этого у меня замирает сердце, и вместе с тем приятно смотреть на нашу совместную жизнь на этом маленьком экране.

– Я поговорю с ним, но, если честно, не думаю, что он вообще это увидит, – возражает Эйд, пока я пристально вглядываюсь в снимки. Она добилась своего – моя жизнь выглядит действительно идеальной. – Разве ты не говорила, что он до сих пор пользуется каким-то древним телефоном?

«Нокия-3310», да. «Кому нужны приложения, если есть “Змейка?”» – говорил он, помахивая передо мной своим темно-синим «кирпичом».

– Вам, девочки, лучше не обсуждать сейчас работу! – визжит Верити, вернувшись из туалета в розовой пижаме в горошек. Поверх пижамы она нацепила нить жемчуга, висевшую на ней и ранее. Она допивает свое вино в два глотка, а затем вновь наполняет нам всем бокалы.

Я слышу жужжение телефона. Вытаскиваю его: звонков нет, но есть уведомление из «Инстаграма». Морвена Стар отправила мне сообщение!

– О Боже! – восклицаю я, а затем зачитываю сообщение вслух: – «Как здорово, что мы познакомились с вами в спортзале! Смотрела ваши фотографии – такая счастливая пара!» – Я осекаюсь, глядя на Верити. – Она имеет в виду

тебя с Джереми!

Верити закатывает глаза и делает очередной глоток. Чей-то телефон снова жужжит. Опять мой!

— «Я была бы рада, если бы вы смогли мне помочь. Напишите мне...» Она дала мне свою электронную почту!

— Это великолепно! — Эйд выглядит очень довольной и достает свой блокнот. — Мы должны как можно скорее переработать веб-сайт. Я напишу Стью прямо сейчас, а встречусь с ним завтра...

Она продолжает бормотать что-то под нос. Я смотрю на Верити и замечаю, что та устремила невидящий взгляд куда-то в пространство, склонив голову набок.

— Ты в порядке?

Верити переводит глаза на меня.

— Все нормально, — отвечает она. — Отличные новости, но давайте на время оставим работу в покое. Эйд, мы должны разобраться с твоей личной жизнью.

Эйд убирает блокнот и сердито смотрит на Верити.

— У меня все хорошо! — заявляет она, округляя глаза и слегка качнув подбородком в мою сторону.

— Так, что происходит? — интересуюсь я. Они глядят друг на друга, словно решают, кто заговорит первой.

— Я же сказала тебе не грузить этим Кэйтлин! — шипит Эйд, которая выглядит так, будто вот-вот расплачется. Верити протягивает руку и успокаивающе кладет поверх ее ладони.

– Серьезно, что происходит? – Я удивлена, что настроение могло так быстро смениться. Словно над нашим столом повисла темная туча. Дранкл Джек начинает петь «Волшебную стену» невпопад, покачиваясь на стуле.

– Я не хотела, чтобы ты знала! – Крупные слезы уже катятся по щекам Эйд. – Мое сердце разбито. Ну, сперва было не так плохо, и я думала, что могу двигаться дальше... но затем... затем...

– Я наступила ей на большую мозоль, – поясняет Верити, произнося слова, с которыми Эйд не в состоянии справиться сама. – Оказывается, я знаю ее бывшую, и однажды случайно упомянула о ней, когда была у вас в офисе, а Эйд разрыдалась.

– Ох, Эйд, – мягко говорю я. – Тебе следовало мне сказать.

– Я не хотела, чтобы ты знала! Никто не захочет, чтобы какая-то убитая горем растрепа работала в брачном агентстве, – плачет она, и Верити неуверенно смотрит на меня, не зная, что я на это отвечу.

– У меня... Я имею в виду, что я... Мы все проходили через нечто подобное, – я делаю глоток вина. – Это никак не влияет на работу.

– Хорошо сказано, – замечает Верити, пристально глядя на меня в упор.

– Итак, – продолжаю я, не обращая на нее внимания, – расскажи мне о ней.

– Ее родители этого не одобряют, – сообщает Эйд. Ока-

зываются, они встречались уже около полугода, когда Ханна сказала Эйд, что они будут видеться только тайком. Что они никогда не смогут заключить брак или жить вместе. – Это многое объясняло: она вела себя странно, когда мы бывали в некоторых районах Лондона, и всегда уклонялась от ответа на мои вопросы о будущем.

Она оглядывается. Джек теперь увлеченно исполняет «Маленькую танцовщицу».

– А ты этого хотела? Брака с ней, я имею в виду?

Эйд кивает:

– На самом деле я в глубине души романтик. И я решила, что не могу продолжать встречаться с Ханной, если это ни к чему не приведет. Так что я порвала с ней, собрала вещи и уехала сюда. Я думала, что пережила это. Но нет. Я по-прежнему люблю ее.

– Любовь – непростая штука, – вздыхает Верити. – Но может, так и лучше. Яркая страстная вспышка, бурный роман, как взрыв! – Она резко растопыривает пальцы, изображая фейерверк. – А в браке зачастую отношения выдыхаются, и ты постепенно понимаешь, что кто-то тебя уже разлюбил…

Я опускаю взгляд и кручу свое обручальное кольцо на пальце. Верити замечает это и поворачивает голову ко мне. Я избегаю встречаться с ней взглядом.

– Возможно, ты и права, – говорит Эйд, разливая остатки вина по нашим бокалам. – Ну что, возьмем еще одну?

– Нам нужно что-то покрепче, чтобы расхрабриться, –

предлагает Верити. – Взгляни на нас, мы же в пижамах. Нам надо поймать кураж и найти тебе кого-то новенького, с кем можно переспать!

Я оглядываюсь вокруг:

– И ты притащила ее сюда за этим?

Дранкл Гэри теперь начал подпевать Джеку, причем на удивление хорошо. Джулия протирает бокалы, стараясь не обращать внимания на мужчину в углу, который на девяносто процентов состоит из пивного живота и крепко спит.

Мой телефон звякает. Это Джереми.

«*Ты с Верити?*» – пишет он.

Я пишу в ответ: «*Ага, в пабе “Надежда”. Приходи!*»

К прибытию Джереми мы уже перешли на джин с то-ником. Верити в туалете, и он стоит перед нами, одетый в несколько слоев, сверкая широкой белозубой улыбкой. Он снимает ярко-оранжевый джемпер, демонстрируя футболку с геометрическим рисунком, из-за которого одно его плечо кажется больше другого. Я встаю, чтобы обнять его и представить Эйд.

– Очередное твое творение?

Он оттягивает ткань:

– Ага, еще сам не привык.

Джереми пытается самостоятельно шить себе одежду все время, пока он с Верити. Он любит яркие цвета и странные узоры: наряды, которые почти невозможно найти в магазинах готового платья.

– Что ты здесь делаешь? – Верити грозно нависает над Джереми. Он худой и такой бледный, что его кожа кажется почти синей. Они выглядят довольно странно рядом друг с другом, но это всегда было частью их очарования.

– Кэйт пригласила меня! – отбивается он. – А почему вы в пижамах?

– Мы подумали, что это будет забавно, но шутка явно не для тебя.

Эйд резко выдвигает свой стул и встает, подхватывая сумку.

– Пойду-ка я, эээээ… покурю! – сообщает она.

– Я с тобой! – говорю я, накидывая парку.

– Ты же не куришь! – Тон Верити по-прежнему резок.

– Просто подышу воздухом. – Я спешу догнать Эйд, которая уже у дверей.

Мы наблюдаем за ними через окно. Верити подбоченилась, пока Джереми что-то говорит ей, бурно жестикулируя. В какой-то момент он тянется к ее бокалу с джином, но она бьет его по руке. Тогда он берет одну из почти пустых бутылок и выпивает остатки из горла. Верити смотрит на него, скривив губы.

– Эээххххх, – говорит Эйд. – Они не выглядят особо счастливыми.

– Все в порядке, они простоссорятся. Все пары иногда ссорятся. – Я словно пытаюсь убедить в этом больше себя, чем ее.

Эйд выпускает струйку дыма:

– Я все же думаю, что лучше мне отправиться домой.

Я снова заглядываю внутрь через окно. Верити у бара, чокаются рюмкой с Джеком, пока Джереми сидит в одиночестве за столом и пьет из ее бокала.

– Тогда плюнь на все и уходи прямо сейчас, – советую я. – Верити никого не отпускает домой без боя.

Когда я возвращаюсь внутрь, Джереми сидит у бара с Верити и Джеком, с тоской поглядывая на вереницу стаканов с текилой, выстроившихся перед ним.

– Верити, мне утром на работу, – говорит он, но ее так просто не проймешь.

– Ну и что? Раньше ты мог зависать со мной до пяти утра, а потом встать через час и успеть сделать до хренища дел, эй! Встряхнись! – Она замечает меня и отворачивается от Джереми, который осторожно насыпает на руку соль. – Джулия, налей текилы Кэйт и Эйд, пожалуйста. А, и себе, конечно.

Я отрицательно качаю головой:

– Эйд уехала домой... и у меня завтра тоже трудный день. Я должна подобрать кого-то подходящего для знакомства с Морвеной.

– Тьфу, блин, и ты туда же! Боже, когда все успели стать такими скучными?

Джереми виновато морщит нос, глядя на меня. Я принимаю чрезмерно огорченный вид, в то время как дранкл Джек подхватывает Верити под локоть, разворачивает на стуле и

поднимает на ноги. Она опасно пошатывается.

– Зато я не скучный, милая! – мычит Джек, наклоняясь к ней слишком близко.

– Нет, но ты пьяный, – замечает Джулия, тем не менее выставляя на стойку еще три стакана с текилой. – И тебе пора домой!

Джулия пяти футов ростом, с черными, как у ведьмы, волосами, тремя кольцами пирсинга в носу и татуировками на обеих руках сверху донизу. Ей под шестьдесят, и она постоянно жалуется на суставы, но дранклы знают, что с ней лучше не связываться. Джек вскидывает руки вверх.

– Хорошо, хорошо, тогда завтра в это же время, дорогая, – сипит он и шаркает прочь. Я замечаю, как Джереми одними губами шепчет Джулии: «Спасибо», и... Верити это тоже замечает.

– За что ты ее благодаришь? Джек просто подшучивал.

– Он приставал к тебе, – возражает Джереми, пока мы с Джулией переглядываемся. – Он делал это весь вечер!

– Ну, по крайней мере хоть кто-то... – бормочет Верити, и они заходят на второй круг. К Джереми возвращается сарказм, когда он «извиняется» за то, что не осыпает ее вниманием «гребаные круглые сутки». А Верити напоминает ему – словами певицы Бейонсе, – что он живет «не с какой-то обычновенной сукой».

Я начинаю медленно пятиться двери, помахав на прощание Джулии, которая лишь качает головой и снова принимая-

ется полировать бокалы. Три порции текилы на стойке остаются нетронутыми.

Глава 8

«Не то, не то, не то, не то, НЕ ТО!»

Я сижу на полу своего офиса в окружении фотографий мужчин. Мужчины с черными волосами, мужчины с загорелыми суровыми лицами, мужчины, позирующие рядом с животными в зоопарке... Весь пол покрыт ими, и они ухмыляются мне с бумажных страниц. Принтер стрекочет в углу, штампую еще больше фотографий и анкет на выбор. Открытый ноутбук лежит возле моих ног, на экране – «Инстаграм» Морвены. Когда я закрываю глаза, ее снимки, преимущественно в пастельной гамме, продолжают мелькать перед моим мысленным взором. Я здесь с шести утра, копаюсь в анкетах, выискивая для Морвены подходящего мужчину.

Я подавляю зевок. После того как пришла домой из паба, я переоделась в новую пижаму и бодрствовала до двух часов ночи, прокручивая посты Морвены и пытаясь лучше почувствовать ее. Синий свет экрана выжигал мне сетчатку, а телефон нагревался в моих руках. Постель со стороны Гарри была пуста.

Кофемашина вовсю работает, пока я пытаюсь думать о Морвене. Морвена любит пляж, Морвена любит йогу, Морвена любит чай с куркумой, Морвена считает, что есть мясо равнозначно убийству и что сахар – это от дьявола.

Я беру чашку с кофе и сажусь обратно, глядя на Пола. Пол

таращится на меня в ответ. Пол – игрок в регби и волонтер в Лейбористской партии. Однако на фотографии в анкете он сжимает в руке кружку пива размером со свою голову. Рядом анкета Тайрона, у которого ямочки на щеках и щелка между зубами. Он симпатичный и много знает об изменении климата. Может, он? Хотя, наверно, он недостаточно хорош. Мне нужен для нее кто-то идеальный. Тайрон не подойдет.

Я начинаю собирать фотографии, снова внимательно в них вглядываясь и пытаясь заставить себя почувствовать «удар». Но... ничего не чувствую.

Мой телефон лежит рядом, и я проверяю его. Там десять непрочитанных сообщений от Верити – она, должно быть, просто мучается от похмелья и паранойи по поводу прошлого вечера. Я отвечу ей позже, когда она придет в норму. Вместо этого я набираю номер Гарри и слушаю гудки. Затем включается автоответчик.

«Привет, это Гарри. Вероятно, я с пациентом, так что оставьте мне сообщение. Пока!»

От его голоса, как всегда, у меня трепещет сердце.

– Привет, Гарри, это я. Слушай, я знаю, что это звучит глупо, но мне опять нужна твоя помощь со знакомством. Клиентка такая хипстерша, что Боже упаси. Жаль, ты ее не знаешь. Ты бы ее возненавидел. Но в любом случае надеюсь, что ты сможешь помочь. Ладно, пока!

Гарри неоднократно помогал мне с трудными клиентами и раньше. Он всегда интересуется у пациентов, сидящих пе-

редним в зубоврачебном кресле, одиноки они или нет. Мне нравится это представлять – их запрокинутые головы, разинутые рты, а рядом пластиковый стаканчик с синим раствором и Гарри, весело расспрашивающий их о личной жизни. Наверно, им так неловко! Но оно того стоит. Однажды у меня была клиентка-учительница, Гвинни, такая застенчивая, что говорила шепотом и дрожала всякий раз, когда я просила ее рассказать о себе. Из-за этого подыскать ей кого-то для свидания казалось почти невозможным. Я выбирала для нее болтливых мужчин, а потом выяснялось, что на свидании она не произнесла ни слова. Затем я перешла к стеснительным мужчинам, но с такими получались мучительные свидания, на которых оба участника молчали и просто тихонько хихикали в свои салаты. Я не знала, что с ней делать, и приходя домой, почти каждый вечер о ней говорила. Тогда Гарри рассказал об одном из пациентов, человеке с мягким голосом, но уверенном, который управлял собственным благотворительным фондом, предоставляющим собак-поводырей для тех, кто не может себе этого позволить. От него исходила такая успокаивающая аура, что Гарри был уверен – Гвинни непременно расслабится в его компании. И так и вышло! Теперь она живет вместе с ним и их золотистым ретривером Хизер, зоркоглазой собакой, потерявшей нюх.

Эйд должна прийти со своим приятелем – веб-дизайнером – в обед, и я очень хочу к тому времени подыскать кого-нибудь для Морвены. По-хорошему, мне следовало бы

устроить с Морвеной нормальный разговор с глазу на глаз, чтобы выяснить, кого она ищет. Но я потратила все утро, внимательно изучая ее на фотографиях – и словно вижу, как в ее глазах нетерпеливо тикают часики. Я не хочу стать просто очередной ее причудой, которой она будет одержима какое-то время, как аэромой, а потом забросит так же быстро. Кроме того, в данном случае у меня есть преимущество: она уже рассказала очень многое о себе посредством соцсетей. И мне нет необходимости проводить обычные предварительные собеседования.

Я слышу, как Эйд топает вверх по лестнице – ее шаги такие громкие, что я не могу разобрать, идет ли с ней кто-то еще. Я открываю на экране фотографию следующего мужчины – выразительный подбородок, вьющиеся каштановые волосы, самоуверенная улыбка. Я кликаю на другое его фото, на котором он держит в руках рыжего котенка.

– Почему так много мужчин любят фотографироваться с котятами? – спрашиваю я Эйд, не отрывая взгляда от экрана.

– Потому что они хотят казаться нежными и в то же время суровыми, – отвечают мне. Это не голос Эйд, а мягкий ирландский выговор. И я наконец оборачиваюсь на стуле и вижу самого великолепного мужчину, которого только встречала.

А затем, прежде чем успеваю это осознать, я резко отворачиваюсь обратно и с преувеличенным вниманием смотрю на экран. Я знаю, что если буду глядеть на вошедшего муж-

чину – кто бы он ни был – слишком долго, то потеряю способность говорить.

– Что же сурового в котятах? – спрашиваю я слегка сдавленным голосом.

– Кликните на следующую картинку, и даю гарантию, что там будет грузовик или... – Передо мной выплывает новое фото. – Ну вот видите, теперь он на мотоцикле.

Я остро ощущаю присутствие этого мужчины за своей спиной. Помещение заполняет древесный запах его лосьона после бритья. Я набираю в грудь побольше воздуха, но нет: ничего даже отдаленно интересного или остроумного не приходит на ум, – и я все еще не могу заставить себя вновь обернуться.

К счастью, в комнату врывается Эйд и сама разворачивает меня на стуле.

– Как невежливо, Кэйтлин, – ворчит она. – Собственно, она света белого не видит, когда подыскивает людям пары. И из-за этого забывает о хороших манерах.

Воцаряется тишина. Эйд пихает меня локтем в плечо:

– Верно я говорю, Кэйт?

– Верно... – с усилием выдавливаю я, а затем, стараясь не встречаться с ним взглядом и не вставая со стула, протягиваю ему ладонь для рукопожатия. – Меня зовут Кэйтлин.

– Стью, – откликается он, пожимая мою руку.

Эйд и Стью устраиваются на диванах, а я выбираю розовый пуфик, стоящий напротив Эйд. Я то и дело невольно ки-

даю взгляд на руки Стью, загорелые и подтянутые, с хорошо выраженным мышцами и прекрасной кожей.

— Я познакомилась со Стью, когда работала в Лондоне. Он трудился на том же этаже, что и моя команда, проектировал сайты для крупной компании, — говорит Эйд, пока я пытаюсь кивать в нормальном режиме. — Мы поладили: он любит выпить, как и я. И я была очень рада, когда он тоже переехал в Шеффилд несколько месяцев назад.

Он усмехается, и вокруг его зеленых глаз разбегаются луники морщинок:

— Я просто слишком сильно скучал по Эйд.

Его речь вызывает у меня ассоциацию с крепким виски. От нее так же перехватывает горло.

Эйд смеется, и я чувствую бесконечное облегчение оттого, что она лесбиянка. Стью здесь не потому, что влюблен в нее. Думаю, я могла бы с ним немного пофлиртовать. Мне нужно встряхнуться. Вот только я не способна флиртовать — не знаю, как начать. Было бы намного легче, если бы я могла хоть взглянуть на него. Чего я не в состоянии сделать без полной утраты контроля над своим телом.

— Из-за скалолазания, на самом деле, — поясняет он. — Я люблю скалолазание, а в Шеффилде хорошая площадка для этого.

— О, я понятия не имела, что здесь есть такая стена, — говорю я, с усилием отрывая взгляд от его рук.

— Странно, обычно, когда речь заходит о физических

упражнениях, ты сообщаешь, что ничего тяжелее бутылки не поднимаешь, да, Кэйт? – шутит Эйд, и я мгновенно прихожу в ярость. Этот подтянутый, сияющий мужчина подумает, что я ленивый диванный овошь. Лежебока.

Но он только улыбается мне:

– Полагаю, у вас не так уж много времени на всякие хобби. То, как быстро вы выстроили свой бизнес, действительно впечатляет.

Румянец заливает мне щеки. Я буквально чувствую это – они горячие и обжигающие.

– Вот для этого мы здесь и собирались, – говорит Эйд. – Чтобы обсудить, как развивать его дальше. Я хочу полностью изменить то, как Кэйтлин представлена в Интернете: уделять больше внимания лично ей, позиционировать ее саму как бренд, делать упор на ее отношениях с мужем, Гарри. То, чего все хотят.

Она подчеркивает слово «муж» и произносит его имя, «Гарри» – еще громче, словно пытается напомнить мне о его существовании. Она зря волнуется. Может, Стыю и превратил меня в нервную растаявшую лужицу, но я не хочу знакомиться с ним ближе. В этом было бы очень мало смысла.

– Проблема в том, что Гарри стесняется сниматься. Он вообще очень не любит быть в центре внимания, – объясняю я. Мне нужно сказать это Стыю, потому что всякий раз, когда я говорю это Эйд, она меня словно не слышит. Она просто отмахивается, вот как сейчас, и отвечает: «Не понимаю, по-

чему он не хочет сделать такой пустяк, чтобы помочь своей жене».

Но Стью кивает:

– Я понимаю. Уверен, мы найдем способ провести ребрендинг так, как видит Эйд, но без давления на застенчивого человека.

Теперь я могу взглянуть на него. Я слегка улыбаюсь ему и произношу одними губами: «Спасибо». Но Эйд, похоже, не желает никого слушать.

– Думаю, мы возьмем несколько их удачных совместных фотографий и вложим какие-то деньги в рекламу на автобусах. Стью, ну правда, они так мило смотрятся вдвоем, что весь сайт нужно строить именно вокруг них!

Я пытаюсь напрячь все силы, как на беговой дорожке несколько дней назад. Высказать все отрепетированные слова о сути моего бизнеса, о том, что Гарри не следует уделять столько внимания. Но в состоянии только вяло произнести:

– Совершенно не согласна.

– Не волнуйся, я все выяснила – реклама на автобусах стоит не так уж дорого.

Я прикрываю глаза ладонью. Когда отнимаю руку от лица, Стью уже возится со своим ноутбуком.

– Дело не в деньгах, Эйд. Дело в Гарри.

Мое сердце громко стучит, а румянец будто охватывает теперь все тело. Смужение и влечение превращаются в ярость и страх. Она не вправе заставлять меня это делать.

Почему она не хочет слушать?

– А что, если я сама поговорю с ним? – не унимается Эйд. – Скажу, как это важно для будущего бизнеса, для заработка его жены.

– А теперь ты слишком драматизируешь, – вмешивается Стью. – Бизнес не рухнет, если мы обойдемся без фотосессии с каким-то парнем, который даже не является совладельцем компании.

Стью произносит это твердым тоном, словно разговаривает с ребенком или со щенком.

Эйд кидает на него свирепый взгляд:

– Эй! Подразумевалось, что ты на моей стороне!

– Я ни на чьей стороне, я просто хочу хорошо выполнить свою работу. А мы не добьемся от этого бедолаги хорошего материала, если он все это ненавидит.

Забавно наблюдать за их перепалкой насчет Гарри. Интересно, что бы он подумал, если бы услышал? Обычно я делаю все, чтобы избежать конфликта, но сейчас мне нравится слушать их оживленный спор о том, чего на самом деле хочет Гарри. Это странным образом меня успокаивает. Я представляю, как он входит в комнату и говорит: «Эй-эй-эй, к чему вся эта суeta вокруг меня?»

– Земля вызывает Кэйтлин, Земля вызывает Кэйтлин!

Я мгновенно возвращаюсь к реальности. Эйд и Стью смотрят на меня выжидающе.

– Прости, что ты сказала?

– Я сказала, что все равно хочу встретиться с Гарри, чтобы получить добро на использование того скучного количества его фоток, которое у нас уже есть. – Эйд закатывает глаза. – Это компромисс.

Я зажмуриваюсь. И внезапно понимаю, что очень, очень устала. Сказывается недостаток сна. Стью подхватывает меня под локоть:

– Эй, вы в порядке?

– Все нормально, извините, – откликаюсь я. – Я не спала всю ночь, пытаясь подобрать подходящего мужчину для одной важной клиентки. Простите, сегодня я не совсем в форме. Эм-м, о чём вы говорили?

– Гарри сможет с нами встретиться? – спрашивает Эйд, зыркая на меня.

– Ах, да. Да, не вижу в этом проблемы, но он… эээ… в данный момент на конференции. Очень важной. В Калифорнии.

– Ладно, а когда он вернется?

– Он сам не знает, когда она закончится, – вздыхаю я. – Но двигайся дальше, как ты говоришь. Мы можем разобраться с этим позже. Сейчас занимайся социальными сетями, пока я не определись с бюджетом.

Все, что угодно, лишь бы отвлечь ее мысли от автобусной рекламы.

– Наконец-то ты ко мне прислушиваешься! – говорит она, стреляя в Стью торжествующим взглядом, и летящей поход-

кой направляется в кухню. – А теперь можно и кофе! – кричит она нам.

– Она слишком напориста себе же во вред, – замечает Стью, подмигивая мне. Я вижу татуировку – черно-белые перья – за его левым ухом. Я пытаюсь справиться со своей нервозностью, загнать смущение поглубже внутрь. Он просто человек, обыкновенный мужчина, твержу я себе.

– Так кто же эта особенная клиентка, ради которой вы не спите ночами? – интересуется он, и я тут же успокаиваюсь. О своей работе я поговорить могу, это несложно.

– О, так это же знаменитая Морвена Стар, слыхали?
Стью отрицательно качает головой:

– Если она не звезда культового кино девяностых, то понятия не имею, кто это. Но почему бы вам не показать, кого вы пытаетесь ей сосватать? – Он спрыгивает с дивана и присаживается на корточки рядом со мной. Я почти чувствую его горячее дыхание на своем плече.

– Я забраковала всех этих парней, – я киваю на разбросанные по полу бумаги. – Но другие потенциальные кандидаты в компьютере вон там, – указываю я на свой стол, с ужасом вспоминая, что по всей его деревянной поверхности разбросаны крошки соли и уксусных чипсов. Так же я осознаю, насколько тесны мои джинсы, и внезапно беспокоюсь – смогу ли встать в них с этого пуфика. Однако яправляюсь, попутно посвящая Стью в основные подробности жизни Морвены. Он вскакивает, подходит к столу вслед за мной и смотрит на

парня с тяжелым квадратным подбородком.

– Этот не годится, – говорит он через мое плечо. – Он атеист.

– Кто атеист? – Эйд сжимает в одной руке три чашки, а в другой – пачку печенья с ванильным кремом.

– Вот этот парень, который не идеально подходит для Морвены Стар, – отвечает Стью, и на его лице появляется озорная ухмылка. – Мы тут пару подбираем!

Она стонет:

– Предполагалось, что ты будешь заниматься дизайном сайта, Стью!

– Ну да, ну да, – отмахивается Стью. – Времени еще полно. Это же весело! – Он подкатывает по сторонам два стула. – Давайте, дамы, найдем пару Морвене!

Час спустя Стью доказывает, что умеет быть таким же азартным, как и я.

– Не то! – кричит наш веб-дизайнер про плотника, приславшего фотографию, на которой прыгает с тарзанки.

– Слишком рисковый? – спрашиваю я. – Или ты думаешь, что она не любит змей? – На другой фотографии плотник с питоном, обвивающим его руку.

– Я чувствую, что он пока недостаточно подготовлен к встрече с Морвеной, – смеется Стью.

Эйд закинула ноги на мой стол и лениво листает что-то в телефоне.

— Мы можем побыстрее с этим закончить? — интересуется она. — Мне скучно, и я хочу выпить.

— Мы пойдем в паб, как только подыщем кого-то для Морвены. — Стью искоса смотрит на меня. — Ты с нами?

— Возможно, — говорю я, и мое сердце екает, а затем еще дважды. Прежде чем я успеваю что-либо добавить, на экране мелькает фотография какого-то парня. — Погоди, стой! — кричу я, когда Стью уже переходит к снимку мужчины с козлиной бородкой.

— Этот? — спрашивает Стью. Он успел пролистать слишком далеко, и теперь на экране рыжий школьник, которому я велела возвращаться не раньше, чем ему исполнится восемнадцать.

— Нет, — смеюсь я. — Можешь себе такое представить? Сразу перед ним, парень в белом воротничке. Увеличь картинку.

Экран заполняет профессиональное фото на бледно-васильковом фоне. Скулы этого мужчины так четко очерчены, что выглядят нарисованными, лицо задумчиво, взгляд устремлен в сторону. Волосы цвета молочного шоколада, как и глаза. Костюм сидит на нем, как влитой. Все это выглядит так дорого, что я почти представляю, как он пахнет.

— Роэн Гарретт, — читает Стью. — Отличное имя.

— Прокрути вниз! — командую я.

— Ты такая властная, когда чуешь добычу. Мне это нравится, — откликается Стью.

Но я едва прислушиваюсь к его словам: я просматриваю

информацию, предоставленную Роуэном. Джейф Бакли – его любимый музыкант, Толстой – его любимый писатель... а затем – я вижу! – в графе «профессия» есть то, что я ищу; то, что я почти ощущаю спинным мозгом, когда смотрю на этого человека. Его профессия: «ясновидец и чтец ауры».

– В яблочко! – говорю я, пока Стью тихо присвистывает.

– Ого, ты молодец! – признает он.

Эйд встает и захлопывает ноутбук.

– Хорошо, теперь, когда дело сделано, мы можем наконец пойти в паб?

– Будет здорово, если ты к нам присоединишься, – говорит мне Стью, но его слова проплывают мимо меня. Я думаю о Гарри и вспоминаю тот день, когда рассказала ему, что свидание Гвинни с его пациентом прошло хорошо. Как он закричал: «Ура!», словно ребенок, открывавший подарок. Я отрицательно качаю головой:

– Вы идите, ребята, а у меня тут еще куча дел.

– Ты уверена? – уточняет Стью, пожав плечами. Я киваю, и они начинают собираться. Стью забрасывает на плечи оранжевый рюкзак поверх черной стеганой куртки. Я машу им рукой, когда они выходят на лестницу. В дверях Стью оборачивается, и его глаза вновь встречаются с моими.

Глава 9

Единственный признак того, что Верити вошла в мой дом, – хлопок двери за ее спиной. Никакого «Привеееет!», лишь звуки ее медленных шагов по коридору. Я слышу, как она кладет ключ на полку. Обычно она все делает с грохотом: ключи со звоном падают на кафельную плитку прихожей, ее пальто с искусственным мехом соскальзывает с плеч и шлепается на пол. Но сегодня она тихо подходит сзади, пока я делаю приготовления к нашему чаепитию, и обхватывает меня руками за талию, положив подбородок на мое плечо. От нее пахнет ванилью и сигаретами. Мех с ее пальто – пурпурный, в тон волосам – щекочет мне нос. Я оборачиваюсь и крепко ее обнимаю. Объятия Верити удивительны: ее груди как удобная полочка, и она прижимает тебя к ней, стискивая так сильно, словно земная ось вдруг покачнулась, и она удерживает тебя от полета вверх тормашками. Но сейчас ее руки безвольно висят по бокам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.